

Голсуорси Д.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ИДИЛЛИЯ: ИНТЕРЛЮДИЯ
СЕРЕБРЯНАЯ ЛОЖКА**

Джон Голсуорси
Собрание сочинений.
Идиллия: Интерлюдия.
Серебряная ложка
Серия «Хроники семьи Форсайтов»
Серия «Современная комедия», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28350105

Собрание сочинений: Идиллия: Интерлюдия; Серебряная ложка:

Роман : Мир книги, Литература; Москва; 2009

ISBN 978-5-486-02836-6, 978-5-486-02616-4

Аннотация

Джон Голсуорси (1867–1933) – выдающийся прозаик и драматург, один из ведущих писателей-реалистов в английской литературе XX в. Сын крупного юриста и сам юрист, Голсуорси оставил эту профессию ради литературной работы. В своих романах, рассказах, эссе писатель ярко и правдиво изобразил лицемерие, эгоизм, снобизм и торжество предрассудков в частной и общественной жизни своих соотечественников. Из его драматических произведений наиболее значительны «Серебряная коробка» (1906), «Мертвая хватка» (1920),

«Верность» (1922). Признание и слава пришли к Голсуорси при жизни. Он много лет был президентом крупнейшего объединения писателей – пен-клуба. В 1932 г. ему была присуждена Нобелевская премия. В данном томе публикуются новелла-интерлюдия «Идиллия» (1927) и роман «Серебряная ложка» (1926), продолжающие трилогию «Современная комедия».

Содержание

«Современная комедия»	6
«Современная комедия»	30
Часть первая	30
I	30
II	37
III	52
IV	61
V	70
VI	80
VII	89
VIII	94
IX	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Джон Голсуорси
Собрание сочинений.
Идиллия: Интерлюдия.
Серебряная ложка

© ООО ТД «Издательство Мир книги»,
оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии,
2009

«Современная комедия»

Идиллия¹

Интерлюдия

В феврале 1924 года Джон Форсайт, только что перенесший испанку, сидел в салоне гостиницы в Кэмдене, штат Южная Каролина, и его светлые волосы медленно вставали дыбом. Он читал о случае линчевания. Голос у него за спиной сказал:

– Поедьте с нами сегодня на пикник, знаете – к этим древним курганам?

Он поднял голову и увидел своего знакомого, молодого южанина, по имени Фрэнсис Уилмот.

– С удовольствием. А кто будет?

– Да только мистер и миссис Пэлмер Харисон, и этот английский романист Гэрдон Минхо, и девочки Блэр и их подруги, и моя сестра Энн и я. Если хотите поразмяться, можете ехать верхом.

– Отлично! Сегодня утром сюда прислали новых лошадей из Колумбии.

– О, да это чудесно! Тогда и мы с сестрой поедем верхом и кто-нибудь из девочек Блэр. А остальных пусть забирают

¹ Перевод М. Лорие.

Харисоны.

– Про линчевание читали? – сказал Джон. – Какой ужас!

Молодой человек, с которым он говорил, сидел на окне. Джону очень нравилось его лицо цвета слоновой кости, его темные волосы и глаза, тонкий нос и губы и изящная, свободная манера держаться.

– Все вы, англичане, с ума сходите, когда читаете о линчеваниях. У вас там, в Южных Соснах, нет негритянского вопроса. В Северной Каролине он вообще почти не возникает.

– Это правда, я и не считаю, что разбираюсь в нем. Но я не понимаю, почему бы не судить негров таким же судом, как белых. Есть, наверно, случаи, когда просто надо пристрелить человека на месте. Но мне непонятно, как вы можете защищать самосуд. Раз уж человека поймали, надо судить его как следует.

– В этом вопросе, знаете ли, рисковать не рекомендуется.

– Но если человека не судить, как же вы установите его вину?

– Мы считаем, что лучше пожертвовать одним безвинным негром, чем подвергать опасности наших женщин.

– По-моему, нет ничего хуже, как убить человека за то, чего он не делал.

– В Европе – может быть. Здесь – нет. Очень еще все неустойчиво.

– А что говорят о суде Линча на Севере?

– Пищат понемножку, но совершенно напрасно. У нас

негры, у них индейцы; думаете, они с ними церемонятся?

Джон Форсайт откинулся в качалке и растерянно нахмурился.

– У нас тут еще слишком много места, – продолжал Фрэнсис Уилмот. – Человеку есть куда скрыться. Так что если мы в чем уверены, то действуем не спрашиваясь.

– Да, каждая страна живет по-своему. А на какие это мы курганы едем?

– Остатки индейских поселений; им, говорят, несколько тысяч лет. Вы с моей сестрой не знакомы? Она приехала только вчера вечером.

– Нет. Когда выезжаем?

– В двенадцать; туда лесом ехать около часа.

Ровно в двенадцать, переодевшись для верховой езды, Джон вышел из отеля. Лошадей было пять, так как верхом пожелали ехать две девочки Блэр. Он поехал между ними, а Фрэнсис Уилмот с сестрой – впереди.

Девочки Блэр были молоденькие и по-американски хорошенькие – в меру яркие, круглолицые, румяные – тип, к которому он привык за два с половиной года, проведенных в Соединенных Штатах. Они сначала были слишком молчаливы, потом стали слишком много болтать. Верховом ездили по мужски, и очень хорошо. Джон узнал, что они, как и организаторы пикника мистер и миссис Харисон, живут на Лонг-Айленде. Они задавали ему много вопросов об Англии, и Джону, уехавшему отсюда девятнадцати лет, приходилось выду-

мывать много ответов. Он начал с тоской поглядывать через уши лошади на Фрэнсиса Уилмота и его сестру, которые ехали впереди в молчании, издали казавшемся чрезвычайно приятным. Дорога шла сосновым лесом, между стройных редких деревьев, по песчаному грунту; солнце светило ясное, теплое, но в воздухе еще был холодок. Джон ехал на гнедом иноходце и чувствовал себя так, как бывает, когда только что выздоровеешь.

Девочки Блэр интересовались его мнением насчет английского романиста – им до смерти хотелось увидеть настоящего писателя. Джон читал только одну его книгу и из действующих лиц помнил только кошку. Девочки Блэр не читали ни одной; но они слышали, что кошки у него «восхитительные».

Фрэнсис Уилмот придержал лошадь и указал на большой холм, по виду действительно насыпанный когда-то людьми. Они все придержали лошадей, посмотрели на него две минуты молча, решили, что это «очень интересно», и поехали дальше. Публика, высадившаяся из двух автомобилей, распаковывала в ложбинке еду. Джон отвел лошадей в сторону, чтобы привязать их рядом с лошадьми Уилмота и его сестры.

– Моя сестра, – сказал Фрэнсис Уилмот.

– Мистер Форсайт, – сказала сестра.

Она посмотрела на Джона, а Джон посмотрел на нее. Она была тоненькая, но крепкая, в длинном темно-коричневом жакете, бриджах и сапогах; волосы короткие, темные, под мягкой коричневой фетровой шляпой. Лицо, бледное, силь-

но загорелое, выражало какое-то сдержанное напряжение; лоб широкий, чистый, носик прямой и смелый, рот ненакрашенный, довольно большой и красивый. Но особенно поразили Джона ее глаза – как раз такие, какими в его представлении должны быть глаза у русалки. С чуть приподнятыми уголками, немигающие, и карие, и манящие. Он не мог разоб-
раться, не косит ли она самую малость, но если и так, это только украшало ее. Он смутился. Оба молчали. Фрэнсис заявил: «А я, знаете ли, голоден», – и они вместе направились к остальным.

Джон вдруг обратился к сестре:

– Так вы только что приехали, мисс Уилмот?

– Да, мистер Форсайт.

– Откуда?

– Из Нэйзби. Это между Чарлстоном и Саванной.

– А, Чарлстон! Чарлстон мне понравился.

– Энн больше нравится Саванна, – сказал Фрэнсис Уилмот.

Энн кивнула. Она была, по-видимому, неразговорчива, но пока, в небольших дозах, ее голос звучал приятно.

– Скучновато у нас там, – сказал Фрэнсис. – Все больше негры. Энн никогда еще не видела живого англичанина.

Энн улыбнулась. Джон тоже улыбнулся. Разговор замер. Они подошли к еде, разложенной с таким расчетом, чтобы вызвать максимум мускульной и пищеварительной энергии. Миссис Пэлмер Харисон, дама лет сорока, с резкими

чертами лица, сидела вытянув вперед ноги; Гэрдон Минхо, английский романист, пристроил свои ноги более скромно; а дальше сидело множество девушек, все с хорошенькими и отнюдь не скромными ножками; немного в стороне мистер Пэлмер Харисон кривил маленький рот над пробкой большой бутылки. Джон и Уилмоты тоже сели. Пикник начался.

Джон скоро увидел, что все ждут, чтобы Гэрдон Минхо сказал что-нибудь, кроме «да», «да что вы!», «а», «вот именно!». Этого не случилось. Знаменитый романист был сначала чуть не болезненно внимателен к тому, что говорили все остальные, а потом словно впал в прострацию. Патриотическое чувство Джона было уязвлено, ибо сам он держался, пожалуй, еще более молчаливо. Он видел, что между тремя девочками Блэр и их двумя подругами готовится заговор – на свободе отвести душу по поводу молчаливых англичан. Бессловесная сестра Фрэнсиса Уилмота была ему большим утешением. Он чувствовал, что она не захочет, да и не вправе будет примкнуть к этому заговору. С горя он стал передавать закуски и был рад, когда период насыщения всухомятку пришел к концу. Пикник – как Рождество – в будущем и прошлом лучше, чем в настоящем. Затем корзины были вновь упакованы, и все направились к автомобилям. Обе машины покатали к другому кургану, как говорили – в двух милях от места привала. Фрэнсис Уилмот и две девочки Блэр решили, что поедут домой смотреть, как играют в поло. Джон спросил Энн, что она думает делать. Она пожелала увидеть

второй курган.

Они сели на лошадей и молча поехали по лесной дороге.
Наконец Джон сказал:

– Вы любите пикники?

– Определенно – нет.

– Я тоже. А ездить верхом?

– Обожаю больше всего на свете.

– Больше, чем танцы?

– Конечно. Ездить верхом и плавать.

– А! Я думал... – И он умолк.

– Что вы думали?

– Ну, я просто подумал, что вы, наверно, хорошо плаваете.

– Почему?

Джон сказал, смутившись:

– По глазам.

– Что? Разве они у меня рыбы?

Джон рассмеялся.

– Да нет же! Они как у русалки.

– Еще не знаю, принять ли это за комплимент.

– Ну конечно.

– Я думала, русалки – малопочтенные создания.

– Ну что вы, напротив! Только робкие.

– У вас их много в Англии?

– Нет. По правде сказать, я их раньше никогда не видел.

– Так откуда же вы знаете?

– Просто чувствую.

– Вы, наверно, получили классическое образование. В Англии ведь это, кажется, всем полагается?

– Далеко не всем.

– А как вам нравится Америка, мистер Форсайт?

– Очень нравится. Иногда нападает тоска по родине.

– Мне бы так хотелось попутешествовать.

– Никогда не пробовали?

Она покачала головой.

– Сижу дома, хозяйничаю. Но старый дом, вероятно, придется продать – хлопком больше не проживешь.

– Я развожу персики около Южных Сосен. Знаете, в Северной Каролине. Это сейчас выгодно.

– Вы живете там один?

– Нет, с матерью.

– Она англичанка?

– Да.

– А отец у вас есть?

– Четыре года как умер.

– Мы с Фрэнсисом уже десять лет сироты.

– Вот бы вам обоим приехать как-нибудь к нам погостить; моя мать была бы так рада.

– Она похожа на вас?

Джон засмеялся.

– Нет. Она красавица.

Глаза серьезно посмотрели на него, губы чуть-чуть улыбнулись.

– Я бы поехала с удовольствием, но нам с Фрэнсисом нельзя отлучаться одновременно.

– Но ведь сейчас вы оба здесь.

– Завтра уезжаем; мне хотелось увидеть Кэмден. – Глаза опять стали внимательно разглядывать лицо Джона. – Может, наоборот, вы поедете с нами и посмотрите наш дом? Он старый. И Фрэнсису доставили бы удовольствие.

– Вы всегда знаете, что доставит вашему брату удовольствие?

– Конечно.

– Вот это здорово. Но вам правда хочется, чтобы я приехал?

– Ну да.

– Я-то очень хотел бы: ненавижу отели. То есть... ну, вы знаете.

Но так как он и сам не знал, трудно было ожидать, что она знает.

Она тронула лошадь, и иноходец Джона перешел на легкий галоп.

В просветы нескончаемого соснового леса солнце светило им в глаза; пахло нагретыми сосновыми иглами, смолой и травой; дорога была ровная, песчаная; лошади шли бодро. Джон был счастлив. Странные у этой девушки глаза, манящие; и верхом она ездит даже лучше, чем девочки Блэр.

– Англичане, наверно, все хорошо ездят? – спросила она.

– Почти все, если вообще ездят; но сейчас у нас верховая

езда не в почете.

– Так хотелось бы побывать в Англии! Наши предки приехали из Англии в тысяча семисотом году – из Вустершира. Где это?

– Это наш Средний Запад, – сказал Джон. – Только совсем не такой, как у вас. Там много фруктовых садов – красивая местность: белые деревянные домики, пастбища, сады, леса, зеленые холмы. Я как-то на каникулах ездил туда гулять с одним школьным товарищем.

– Должно быть, чудесно. Наши предки были католики. У них было имение Нэйзби; вот мы и свое назвали Нэйзби. А бабушка моя была французская креолка из Луизианы. Правда, что в Англии считают, будто в креолах есть негритянская кровь?

– Мы очень невежественны, – сказал Джон. – Я-то знаю, что креолы – это старые испанские и французские семьи. В вас обоих есть что-то французское.

– Во Фрэнсисе – да. А мы не проехали этот курган? Мы уже сделали добрых четыре мили, а говорили – до него только две.

– А не все ли равно? Тот, первый, по-моему, не был так уж потрясающе интересен.

Ее губы улыбнулись; она, наверно, никогда не смеялась по-настоящему.

– А какие в этих краях индейцы? – спросил Джон.

– Наверно не знаю. Если есть, так, должно быть, семино-

лы. Но Фрэнсис думает, что эти курганы были еще до прихода теперешних племен. Почему вы приехали в Америку, мистер Форсайт?

Джон прикусил губу. Сказать причину – семейная распря, неудачный роман – было не так-то просто.

– Я сначала поехал в Британскую Колумбию, но там дело не пошло. Потом услышал о персиках в Северной Каролине.

– Но почему вы уехали из Англии?

– Да просто захотелось посмотреть белый свет.

– Да, – сказала она.

Звук был тихий, но сочувственный. Джон был рад, тем более что она не знала, чему сочувствует. Образ его первой любви редко теперь тревожил его – уже год, даже больше, как это кончилось. Он был так занят своими персиками. Кроме того, Холли писала, что у Флер родился сын. Вдруг он сказал:

– По-моему, надо поворачивать – посмотрите на солнце.

Солнце и правда было уже низко за деревьями.

– Ой, да.

Джон повернул коня.

– Давайте галопом, через полчаса сядет; а луны еще долго не будет.

Они поскакали назад по дороге. Солнце зашло еще скорее, чем он думал, стало холодно, свет померк. Вдруг Джон придержал лошадь.

– Простите, пожалуйста; кажется, мы не на той дороге, по которой ехали с пикника. Я чувствую, что мы сбились впра-

во. Дороги все одинаковые, а лошади только вчера из Колумбии, знают местность не лучше нашего.

Девушка засмеялась.

– Мы заблудимся.

– Хм! Это не шутка в таком лесу. Ему что, конца нет?

– Наверно, нет. Прямо приключение.

– Да, но вы простудитесь. Ночью здорово холодно.

– А у вас только что была испанка!

– О, это неважно. Вот дорога влево. Поедем по ней или прямо?

– По ней.

Они поехали дальше. Для галопа было слишком темно, скоро и рысью ехать стало невозможно. А дорога извивалась бесконечно.

– Вот так история, – сказал Джон. – Ой, как неприятно!

Они ехали рядом, но он еле-еле разглядел ее улыбку.

– Ну что вы! Страшно забавно.

Он был рад, что она так думает, но не совсем с ней согласен.

– Так глупо с моей стороны. Брат ваш меня не поблагодарит.

– Он же знает, что я с вами.

– Если б еще у нас был компас. Так всю ночь можно проплутать. Опять дорога разветвляется! О черт, сейчас совсем стемнеет.

И не успел он сказать это, как последний луч света погас;

Джон едва различал девушку на расстоянии пяти шагов. Он вплотную подъехал к ее лошади, и Энн дотронулась до его рукава.

– Не надо беспокоиться, – сказала она, – вы этим только все портите.

Переложив поводья, он сжал ее руку.

– Вы молодчина, мисс Уилмот.

– О, зовите меня Энн. От фамилий как-то холодно, когда собьешься с дороги.

– Большое спасибо. Меня зовут Джон, по-настоящему – Джолион.

– Джолион – Джон, это хорошо.

– А я всегда любил имя Энн. Подождем, пока взойдет луна, или поедем дальше?

– А она когда взойдет?

– Часов в десять, судя по вчерашнему. И будет почти полная. Но сейчас только шесть.

– Поедем, пусть лошади сами ищут дорогу.

– Ладно. Только если уж они нас куда-нибудь привезут, так в Колумбию, а это не близко.

Они поехали шагом по узкой дороге. Теперь совсем стемнело. Джон сказал:

– Вам не холодно? Пешком идти теплее. Я поеду вперед. Не отставайте, а то потеряете меня из виду.

Он поехал вперед и скоро спешился, потому что сам замерз. Ни звука нельзя было уловить в нескончаемом лесу, ни

проблеска света.

– Вот теперь я озябла, – слышался голос Энн. – Я тоже слезу.

Так они шли с полчаса, ведя лошадей в поводу и чуть не ошупью находя дорогу; вдруг Джон сказал:

– Посмотрите-ка! Что-то вроде поляны! А что там налево чернеется?

– Это курган.

– Только какой, интересно? Тот, что мы видели, или второй, или еще новый?

– Пожалуй, побудем здесь, пока не взойдет луна, а тогда, может быть, разберемся и найдем дорогу.

– Правильно! Тут, наверно, и болота есть. Я привяжу лошадей и поищем, где укрыться. А холодно!

Он привязал лошадей с подветренной стороны, а когда повернулся, она была рядом с ним.

– Жутко здесь, – сказала она.

– Найдем уютное местечко и сядем.

Он взял ее под руку, и они двинулись в обход кургана.

– Вот, – сказал вдруг Джон, – здесь копали. Здесь не будет ветра. – Он пощупал землю – сухо. – Присядем и поболтаем.

Прислонившись к стенке вырытой ямы, они закурили и сидели бок о бок, прислушиваясь к тишине. Лошади пофыркивали, тихо переступали, больше не было слышно ни звука. Деревья не шумели – лес был редкий, да и ветер стих, и живого было – только они двое и лошади. Редкие звезды

на очень темном небе да чернеющие в темноте стволы сосен – больше они ничего не видели. И еще светящиеся кончики папирос и время от времени – в свете их – лица друг друга.

– Вы, наверно, никогда мне этого не простите, – мрачно сказал Джон.

– Ну что вы! Мне страшно нравится.

– Очень мило, что вы так говорите, но вы, наверно, ужасно озябли. Знаете что, возьмите мой пиджак.

Он уже начал снимать его, когда она сказала:

– Если вы это сделаете, я убегу в лес и заблужусь всерьез.

Джон покорился.

– Просто случай, что это вы, а не кто-нибудь из девочек

Блэр, – сказал он.

– А вам бы хотелось?

– Для вас – конечно. Но не для меня, нет, право же!

Они повернулись друг к другу, так что кончики их папирос чуть не столкнулись. Едва различая ее глаза, он вдруг ощутил четкое желание обнять ее. Это казалось так нужно и естественно, но разве можно!

– Хотите шоколаду? – сказала она.

Джон съел малюсенький кусочек: шоколад нужно сберечь для нее.

– Настоящее приключение. Ой, как темно! Одна я бы испугалась, тут страшновато.

– Духи индейцев, – проговорил Джон. – Только я не верю в духов.

– Поверили бы, если бы вас растила цветная нянька.

– А у вас была?

– Ну да, и голос у нее был мягкий, как дыня. У нас есть один старый негр, который в детстве был рабом. Самый милый из всех наших негров; ему скоро восемьдесят лет, волосы совсем белые.

– Ваш отец ведь уже не мог участвовать в гражданской войне?

– Нет, два деда и прадед.

– А вам сколько лет, Энн?

– Девятнадцать.

– Мне двадцать три.

– Расскажите мне про свой дом в Англии.

– Теперь у меня там ничего и нет.

Он рассказал ей историю своей юности в сокращенном издании и решил, что она слушает замечательно. Потом попросил ее рассказать о себе и, пока она говорила, все думал, нравится ли ему ее голос. Она запинаясь и проглатывала слова, но голос был мягкий и очень приятный. Когда она кончила свою немудреную повесть – она почти не уезжала из дому, – наступило молчание, потом Джон сказал:

– Еще только половина восьмого. Пойду взгляну на лошадей. А потом вы, может быть, поспите.

Он стал обходить курган и, добравшись до лошадей, постоял, поговорил с ними, погладил их морды. В нем шевелилось теплое чувство покровителя. Хорошая девочка, и храб-

рая. Такое лицо запомнишь, в нем что-то есть. Вдруг он услышал ее голос, тихий, словно она не хотела показать вида, что зовет: «Джон! Ау, Джон!» Он ошупью пошел обратно. Она протянула вперед руки.

– Очень страшно! Шуршит что-то! У меня мурашки по спине бегают.

– Ветер поднялся. Давайте сядем спина к спине, вам будет теплее. Или знаете как – я сяду у стены, а вы прислонитесь ко мне и сможете уснуть. Только два часа осталось, потом поедem при луне.

Они сели как он предлагал, она прислонилась к нему, головой уткнулась ему в плечо.

– Уютно?

– Очень. И мурашки кончились. Тяжело?

– Ни капельки, – сказал Джон.

Они еще покурили и поболтали. Звезды стали ярче, глаза привыкли к темноте. И они были благодарны друг другу за тепло. Джону нравился запах ее волос – как от сена – у самого его носа. Он с удовольствием обнял бы ее и прижал к себе. Но он этого не сделал. Однако ему было нелегко оставаться чем-то теплым, безличным, чтобы ей только было к чему прислониться. В первый раз после отъезда из Англии он испытывал желание обнять кого-нибудь – так сильно он тогда обжегся. Ветер поднялся, прошумел в деревьях, опять улегся; стало еще тише. Ему совсем не хотелось спать, и казалось странным, что она спит – ведь спит, не двигается! Звезды

мерцали, он стал пристально смотреть на них. Руки и ноги у него затекли, и вдруг он заметил, что она и не думает спать. Она медленно повернула голову, и он увидел ее глаза – серьезные, манящие.

– Вам тяжело, – сказала она и приподнялась, но его рука вернула ее на место.

– Ни капельки, только бы вам было тепло и уютно.

Голова легла обратно; и бдение продолжалось. Изредка они переговаривались о всяких пустяках, и он думал: «Занятно – можно прожить месяцы со знакомыми людьми и знать их хуже, чем мы теперь будем знать друг друга».

Опять наступило долгое молчание; но теперь Джон обхватил ее рукой, так было удобнее обоим. И он начал подумывать, что луне, собственно, и не к чему всходить. Думала ли Энн то же самое? Он не знал. Но если и думала, луне было все равно, так как он вдруг понял, что она уже тут, где-то за деревьями, – странное спокойное мерцание стало излучаться в воздухе, поползло по земле, исходило из стволов деревьев.

– Луна! – сказал он.

Энн не двинулась, и сердце его заколотилось. Вот как! Ей, как и ему, не хотелось, чтобы луна всходила! Медленно неясное мерцание наливалось светом, кралось между стволами, окутало их фигуры – и мрак рассеялся. А они все сидели не шевелясь, словно боясь нарушить очарование. Луна набралась сил и в холодном сиянии встала над деревьями; мир ожил. Джон подумал: «Можно ее поцеловать?» – и сейчас же

раздумал. Да разве она позволит! Но, словно угадывая его мысль, она повернула голову и посмотрела ему в глаза. Он сказал:

– Я за вас отвечаю.

Послышался легкий вздох, и она встала. Они стояли, потягиваясь, вглядываясь в побелевший таинственный лес.

– Посмотрите, Энн, курган тот самый! Вот тропинка к тому овражку, где мы ели. Теперь-то мы найдем дорогу.

– Да. – Интонация была для него непонятной.

Они подошли к лошадям, отвязали их и сели. Вдвоем они теперь, конечно, найдут дорогу. И они тронулись в путь. Ехали рядом.

Джон сказал:

– Ну вот, будет что вспомнить.

– Да, я никогда не забуду.

Больше они не говорили, только советовались о дороге, но скоро стало ясно, куда ехать, и они поскакали. Вот и луг, где играли в поло, – у самой гостиницы.

– Ступайте успокойте вашего брата. Я отведу лошадей и сейчас вернусь.

Когда он вошел в салон, Фрэнсис Уилмот, еще не переодевшись после поездки, сидел там один. У него было странное выражение лица – не то чтобы враждебное, но, уж конечно, и не дружелюбное.

– Энн прошла наверх, – сказал он. – Вы, по-видимому, неважно ориентируетесь. Я сильно беспокоился.

– Простите меня, пожалуйста, – смиренно сказал Джон, – я забыл, что лошади не знают местности.

– Что ж, – сказал Фрэнсис Уилмот и пожал плечами.

Джон в упор посмотрел на него.

– Уж вы не воображаете ли, что я отстал нарочно? А то у вас это на лице написано.

Фрэнсис Уилмот опять пожал плечами.

– Простите, – сказал Джон, – но вы, кажется, забыли, что ваша сестра – порядочная женщина, с которой не станешь вести себя, как последний мерзавец.

Фрэнсис Уилмот не отвечал; он отошел к окну и глядел на улицу. Джон был очень зол; он присел на ручку кресла, внезапно почувствовав страшную усталость. Сидел и хмуро смотрел в пол. Вот черт! Он и сестре устроил сцену? Если так... Голос за его спиной произнес:

– Я, знаете, не то хотел сказать! Извините, пожалуйста, я просто очень беспокоился. Руку!

Джон вскочил, и они обменялись рукопожатием, глядя прямо в глаза друг другу.

– Вы, наверно, совсем вымотались, – сказал Фрэнсис Уилмот. – Пойдемте ко мне: у меня там есть фляжка. Я уж и Энн дал глотнуть.

Они поднялись наверх. Джон сел на единственный стул, Фрэнсис Уилмот – на кровать.

– Энн говорила, что звала вас ехать к нам завтра. Надеюсь, вы не раздумаете?

– Я бы с наслаждением.

– Ну, вот и отлично!

Они выпили, поболтали, покурили.

– Спокойной ночи, – вдруг сказал Джон, – а то я здесь у вас засну.

Они опять пожали друг другу руки, и Джон, пошатываясь, отправился к себе. Уснул он мгновенно.

На следующий день они втроем поехали через Колумбию и Чарлстон в имение Уилмотов. Дом стоял в излучине красноватой реки, окруженный хлопковыми полями и болотами, на которых росли вечнозеленые дубы, унылые, обвешанные флоридским мхом. Прежние лачуги рабов, в которых теперь жили только собаки, еще не были снесены. Дом был двухэтажный, с двумя деревянными лестницами, ведущими на увитую вистарией веранду; он сильно нуждался в покраске. Комнаты все были проходные, в них висели старые портреты умерших Уилмотов и де Фревилей, да бродили негры, переговариваясь тягучими, мягкими голосами.

Джону ни разу еще не было так хорошо, с самого приезда в Новый Свет, три с половиной года назад. По утрам он возился на солнышке с собаками или пытался писать стихи, так как молодые хозяева были заняты. После обеда он ездил верхом с ними обоими или с одной Энн. Вечерами учился у нее играть на гавайской гитаре перед камином, который топили, когда заходило солнце, или слушал, как Фрэнсис рассказывал о разведении хлопка – с ним, после той минутной

размолвки, он был опять в самых лучших отношениях.

С Энн он говорил мало; они как бы снова погрузились в то молчание, которое началось, когда они сидели в темноте у старого индейского кургана. Но он следил за ней; он все время старался поймать серьезный, манящий взгляд ее темных глаз. Она казалась ему все менее и менее похожей на других знакомых девушек: была быстрее их, молчаливее, самостоятельнее. Дни бежали, солнце грело, по ночам пахло дымом лесных пожаров; и каникулы Джона подходили к концу. Он уже умел играть на гавайской гитаре, и под ее аккомпанемент они исполняли негритянские песни, арии из опереток и прочие бессмертные произведения искусства. Настал последний день, и Джона охватило смятение. Завтра рано утром он уезжает в Южные Сосны, к своим персикам! В тот день, когда он в последний раз ездил с ней верхом, молчание было почти неестественное и она даже не смотрела на него. Джон пошел наверх переодеваться, унося в душе ужас. Теперь он знал, что хочет увезти ее с собой, и был уверен, что она не поедет. Как скучно думать, что нельзя будет больше ловить на себе ее взгляд. Он изголодался от желания поцеловать ее. Он сошел вниз угрюмый и сел в кресло перед горящим камином; тербил за уши рыжего сеттера, смотрел, как в комнате темнеет. Может быть, она даже не придет попеть напоследок. Может быть, ничего больше не будет – только ужин и вечер втроем; не удастся даже сказать, что он любит ее, и услышать в ответ, что она его не любит. И он тоскливо думал: «Я сам

виноват – дурак, зачем молчал, упустил случай».

В комнате стемнело, только камин горел; сеттер уснул. Джон тоже закрыл глаза. Так, казалось, было лучше ждать... самого худшего. Когда он открыл глаза, она стояла перед ним с гитарами.

– Хотите поиграть, Джон?

– Да, – сказал Джон, – давайте поиграем. В последний раз. – И он взял гитару.

Она села на коврик перед камином и стала настраивать. Джон соскользнул на пол, где лежал сеттер, и тоже стал настраивать. Сеттер встал и ушел.

– Что будем петь?

– Я не хочу петь, Энн. Пойте вы. Я буду аккомпанировать.

Она не смотрит на него! И не будет смотреть! Все конечно! Дурак, что он наделал!

Энн запела. Она пела протяжную песню – зов испанской горянки. Джон щипал струны, а мелодия щипала его за сердце. Она допела до конца, спела еще раз, и ее взгляд передвинулся. Что? Она смотрит на него наконец! Не надо показывать вида, что он заметил. Уж очень хорошо – этот долгий, темный взгляд поверх гитары. Между ними была ее гитара и его. Он отшвырнул эту гадость. И вдруг, подвинувшись на полу, обнял девушку. Она молча уронила голову ему на плечо, как тогда, у индейского кургана. Он наклонился щекой к ее волосам. От них пахло, как и тогда, сеном. И как тогда, в лунном свете, Энн закинула голову, так и теперь она повер-

нулась к нему. Но теперь Джон поцеловал ее в губы.

«Современная комедия» Серебряная ложка²

*Но, друг мой,
Тернист наш путь!*

Шекспир. Зимняя сказка

Часть первая

I

Иностранец

Трудно было с первого взгляда узнать американца в молодом человеке, который вышел из такси на Саут-сквер в Вест-минстере в конце сентября 1924 года. Поэтому шофер поколебался, прежде чем запросить двойную плату. Молодой человек без всяких колебаний ему отказал.

– Разве вы неграмотны? – спокойно осведомился он. – Посмотрите – четыре шиллинга.

С этими словами он повернулся спиной к шоферу и взгля-

² Перевод А. Кривцовой.

нул на здание, перед которым остановилось такси. Сейчас ему предстояло впервые войти в английский дом, и он слегка волновался, точно ему должны были выдать семейную тайну. Вытащив из кармана конверт с адресом, он посмотрел на номер, выгравированный на медной дощечке у двери, прошептал: «Да, правильно» – и позвонил.

Ожидая, пока откроют, он обратил внимание на глубокую тишину, которую нарушил бой часов. Пробило четыре, и казалось, то был глас Времени. Когда замер гул, дверь приоткрылась и лысый человек спросил:

– Что угодно, сэр?

Молодой американец снял мягкую шляпу.

– Здесь живет миссис Майкл Монт?

– Да, сэр.

– Пожалуйста, передайте ей мою карточку и письмо.

– «Мистер Фрэнсис Уилмот, Нэйзби, Ю. К.». Будьте добры, войдите, сэр.

Следуя за лакеем, Фрэнсис Уилмот прошел в комнату направо. Здесь внимание его привлек какой-то шорох, и чьи-то зубы оцарапали ему икру.

– Дэнди! – крикнул лысый лакей. – Ах ты, чертенок! Знаете, сэр, эта собака терпеть не может чужих. На место! Одной леди Дэнди прокусил однажды чулок.

Фрэнсис Уилмот с любопытством посмотрел на серебристо-серую собаку дюймов девяти вышиной и почти такой же ширины. Она подняла на него блестящие глаза и оскалила

белые зубы.

– Это он малютку охраняет, сэр, – сказал лысый лакей, указывая на уютное гнездышко на полу перед незатопленным камином. – Когда ребенок в комнате, Дэнди бросается на чужих. Но теперь вы можете быть спокойны, сэр, раз он обнюхал ваши брюки. А к ребенку все-таки не подходите. Миссис Монт только что была здесь; я ей передам вашу карточку.

Фрэнсис Уилмот опустился на диванчик, стоявший посреди комнаты, а собака улеглась между ним и ребенком.

В ожидании миссис Монт молодой человек внимательно осматривал комнату. Потолок был окрашен в серебряный цвет, стены обшиты панелями тускло-золотого оттенка. В углу приютились маленькие позолоченные клавикорды – призрак рояля. Портьеры были из материи, затканной золотом и серебром. Блестели хрустальные люстры, на картинах, украшавших стены, были изображены цветы и молодая леди с серебряной шеей и в золотых туфельках. Ноги утопали в удивительно мягком серебристом ковре, мебель была из позолоченного дерева.

Молодого человека внезапно охватила тоска по родине. Мысленно он перенесся в гостиную старого, в колониальном стиле дома на пустынном берегу красноватой реки в Южной Каролине. Снова видел он портрет своего прадеда, Фрэнсиса Уилмота, в красном мундире с высоким воротником, – май-

ора королевских войск во время войны за независимость³. Говорили, что прадед на этом портрете похож на человека, которого Фрэнсис Уилмот ежедневно видел в зеркале, когда брился: гладкие темные волосы, закрывающие правый висок, узкий нос, узкие губы, узкая рука, сжимающая рукоятку шпаги или бритву, решительный взгляд узких, словно щели, глаз. Фрэнсис вспомнил негров, работающих на хлопковом поле под ослепительным солнцем; такого солнца он не видел с тех пор, как сюда приехал; в мыслях он снова гулял со своим сеттером по краю громадного болота, под высокими печальными деревьями, разукрашенными гирляндами мха; он думал о родовом имении Уилмотов: дом сильно пострадал во время гражданской войны⁴, и молодой человек не знал, восстанавливать ли его или продать одному янки, который хотел купить загородную виллу, куда он мог бы приезжать на воскресенье из Чарлстона, и который так отремонтирует дом, что его не узнаешь. Тоскливо будет в доме теперь, когда Энн вышла замуж за этого молодого англичанина, Джона Форсайта, и уехала на север, в Южные Сосны. И он подумал, что сестра, смуглая, бледная, энергичная, теперь для него потеряна. Да, эта комната навеяла на него тоску по родине. Такой великолепной комнаты он никогда еще не видел;

³ *Война за независимость...* – Война за независимость Америки продолжалась с 1775 по 1783 г.

⁴ *...Во время гражданской войны...* – Гражданская война в Америке протекала в 1861–1865 гг.

ее гармонию нарушала только собака, лежавшая сейчас на боку. Она была такая толстая, что все ее четыре лапки болтались, не касаясь пола. Вполголоса он сказал:

– Это самая красивая комната, какую мне когда-либо приходилось видеть!

– Как приятно подслушать такое замечание!

В дверях стояла молодая женщина с волнистыми каштановыми волосами и матовым бледным лицом. Нос у нее был короткий, прямой, глаза карие, оттененные темными ресницами, веки очень белые. Улыбаясь, она подошла к Фрэнсису Уилмоту и протянула ему руку. Он поклонился и серьезно спросил:

– Миссис Майкл Монт?

– Значит, Джон женился на вашей сестре? Она хорошенькая?

– Да.

– Красивая?

– Да, она красива.

– Надеюсь, вы не скучали? Бэби вас занимал?

– Чудесный ребенок.

– О да! А Дэнди вас, говорят, укусил?

– Кажется, не до крови.

– А вы даже не посмотрели? Но собака совершенно здорова. Садитесь и расскажите мне о вашей сестре и Джоне. Это брак по любви?

Фрэнсис Уилмот сел.

– Да, несомненно. Джон – прекрасный человек, а Энн...
Он услышал вздох.

– Я очень рада. Он пишет, что очень счастлив. Вы должны остановиться у нас. Здесь вас никто не будет стеснять. Можете смотреть на наш дом как на отель.

Молодой человек поднял на нее глаза и улыбнулся.

– Как вы добры! Ведь я впервые уехал из Америки. Слишком рано кончилась война.

Флер вынула бэби из гнездышка.

– А вот это существо не кусается. Смотрите – целых два зуба, но они не опасны.

– Как его зовут?

– Кит, уменьшительное от Кристофер. К счастью, мы сошлись на этом имени. Сейчас придет Майкл, мой муж. Он член парламента. Но первое заседание только в понедельник, – конечно, опять Ирландия. А мы вчера вернулись для этого из Италии. Чудная страна, вы должны туда съездить.

– Простите, какие это часы так громко бьют? Парламентские?

– Да, это Большой Бэн. Он заставляет их помнить о времени. Майкл говорит, что парламент – лучший тормоз прогресса. Теперь, когда у нас впервые лейбористское правительство, год обещает быть интересным. Посмотрите, как эта собака охраняет моего бэби. Не правда ли, трогательно? Челюсти у нее чудовищные.

– Какая это порода?

– Дэнди – динмонт. А раньше у нас была китайская собачка. С ней произошла трагическая история. Она всегда гонялась за кошками и однажды повздорила с воинственным котом, он ей выцарапал оба глаза... она ослепла, и пришлось...

Молодому человеку показалось, что в ее глазах блеснули слезы. Он тихонько вздохнул и сочувственно сказал:

– Очень печально.

– Мне пришлось обставить эту комнату по-новому. Раньше она была отделана в китайском стиле. Она мне слишком напоминала Тинь-а-Линя.

– Ну а этот песик загрызет любую кошку.

– К счастью, он вырос вместе с котятками. Нам он понравился потому, что у него кривые лапы. Ходит он с трудом и едва поспевает за детской колясочкой. Дэн, покажи лапки!

Дэнди поднял голову и тихонько заворчал.

– Он ужасно упрямый. Скажите, Джон изменился? Или похож еще на англичанина?

Молодой человек понял, что она наконец заговорила о чем-то для нее интересном.

– Похож. Но он чудесный малый.

– А его мать? Когда-то она была красива.

– Она и сейчас красива.

– Да, наверно. Седая, должно быть?

– Поседела. Вы ее не любите?

– Гм! Надеюсь, она не будет ревновать его к вашей сестре.

– Пожалуй, вы несправедливы.

– Пожалуй, несправедлива.

Она сидела неподвижно с ребенком на руках; лицо ее было сурово. Молодой человек, сообразив, что мысли ее где-то витают, встал.

– Когда будете писать Джону, – заговорила она вдруг, – передайте ему, что я ужасно рада и желаю ему счастья. Я сама не буду ему писать. Можно мне называть вас Фрэнсис?

Фрэнсис Уилмот поклонился.

– Я буду счастлив...

– А вы должны называть меня Флер. Ведь теперь мы с вами родственники.

– Флер! Красивое имя! – медленно, словно смакуя это слово, произнес молодой человек.

– Комнату вам приготовят сегодня же. Разумеется, у вас будет отдельная ванная.

Он прикоснулся губами к протянутой руке.

– Чудесно! – сказал он. – А я было начал тосковать по дому: здесь мне не хватает солнца.

В дверях он оглянулся: Флер положила ребенка в гнездышко и задумчиво смотрела куда-то в пространство.

II Перемена

Не только смерть собаки побудила Флер по-новому обставить китайскую комнату. В тот день, когда Флер исполнилось

двадцать два года, Майкл, вернувшись домой, объявил:

– Ну, дитя мое, я покончил с издательским делом. Старый Дэнби всегда так безнадежно прав, что на этом карьеры не сделаешь.

– О Майкл! Ты будешь смертельно скучать.

– Я пройду в парламент. Дело несложное, а заработок примерно тот же.

Эти слова были сказаны в шутку. Через шесть дней обнаружилось, что Флер приняла их всерьез.

– Ты был совершенно прав, Майкл. Это дело самое для тебя подходящее. У тебя есть мысли в голове.

– Чужие.

– И говоришь ты прекрасно. А живем мы в двух шагах от парламента.

– Это будет стоить денег, Флер.

– Да, я говорила с папой. Знаешь, это очень забавно – ведь ни один Форсайт не имел никакого отношения к парламенту. Но папа считает, что мне это пойдет на пользу, а баронеты только для этого и годятся.

– К сожалению, раньше нужно пройти в выборах.

– Я и с твоим отцом посоветовалась. Он кое с кем переговорит. Им нужны молодые люди.

– Так. А каковы мои политические убеждения?

– Дорогой мой, пора бы уже знать – в тридцать-то лет!

– Я не либерал. Но кто я – консерватор или лейборист?

– У тебя есть время решить этот вопрос до выборов.

На следующий день, пока Майкл брился, а Флер принимала ванну, он слегка порезался и сказал:

– Земля и безработица – вот что меня действительно интересует. Я фоггартист.

– Что это такое?

– Ведь ты же читала книгу сэра Джемса Фоггарта.

– Нет.

– А говорила, что читала.

– Все так говорили.

– Ну, все равно. Он весь в будущем и программу свою строит, имея в виду тысяча девятьсот сорок четвертый год. Безопасность в воздухе, развитие земледелия, детская эмиграция; урегулировать спрос и предложение внутри империи; покончить с нашими убытками в делах с Европой; идти на жертвы ради лучшего будущего. В сущности, он проповедует то, что никакой популярностью не пользуется и считается невыполнимым.

– Эти взгляды ты можешь держать при себе, пока не пройдешь в парламент. Ты должен выставить свою кандидатуру по спискам тори⁵.

– Какая ты сейчас красивая!

– Потом, когда ты уже пройдешь на выборах, можно заявить и о своих взглядах. Таким образом, ты с самого начала

⁵ *Тори* – политическая партия в Англии (XVII–XIX вв.), выражавшая интересы крупных землевладельцев-дворян; предшественница современной партии консерваторов.

займешь видное положение.

– План недурен, – сказал Майкл.

– И тогда можешь проводить программу этого Фоггарта. Он не сумасшедший?

– Нет, но он слишком трезв и рассудителен, а это приближается к сумасшествию. Видишь ли, заработная плата у нас выше, чем во всех других странах, за исключением Америки и доминионов; и понижения не предвидится. Мы идем в ногу с молодыми странами. Фоггарт стоит за то, чтобы Англия производила как можно больше продовольствия; детей из английских городов он предлагает отправлять в колонии, пока спрос колоний на наши товары не сравняется с нашим ввозом. Разумеется, из этого ничего не выйдет, если все правительства империи не будут действовать вполне единодушно.

– Все это как будто разумно.

– Как тебе известно, мы его издали, но за его счет. Это старая история – «вера горами двигает». Вера-то у него есть, но гора все еще стоит на месте.

Флер встала.

– Итак, решено! – сказала она. – Твой отец говорит, что сумеет провести тебя по спискам тори, а свои убеждения ты держи при себе. Тебе нетрудно будет завоевать симпатии, Майкл.

– Благодарю тебя, милочка. Дай я помогу тебе вытереться...

Однако раньше чем переделывать китайскую комнату, Флер выждала, пока Майкл не прошел в парламент от одного из округов, где избиратели, по-видимому, проявляли интерес к земледелию. Выбранный ею стиль являл собой некую смесь Адама⁶ и Louis Quinze⁷. Майкл окрестил комнату «биметаллическая гостиная» и переселил «Белую обезьяну» к себе в кабинет. Он решил, что пессимизм этого создания не вяжется с карьерой политического деятеля.

Свой «салон» Флер открыла в феврале. После разгрома либералов «центр общества» сошел на нет и ореол политико-юридической группы леди Элисон сильно померк. Теперь в гору шли люди попроще. По средам на вечерах у Флер бывали главным образом представители младшего поколения; а из стариков показывались в «салоне» ее свекор, два захудалых посланника и Пивенси Блайт, редактор «Аванпоста». Это был высокий человек с бородой и налитыми кровью глазами, столь не похожий на свой собственный литературный стиль, что его постоянно принимали за премьера какого-нибудь колониального кабинета. Он обнаружил познания в таких вопросах, в которых мало кто разбирался. «То, что проповедует Блайт сегодня, консервативная партия не

⁶ ...*Некую смесь Адама...* – Речь идет об английском архитектурном стиле (адамовском), выдержанном в строгих формах античного зодчества и отличающемся тщательной разработкой деталей внутреннего убранства зданий (вплоть до мебели, изящной, с изысканно-тонким декором). Назван в честь английского архитектора Роберта Адама (1728–1792).

⁷ Людовик Пятнадцатый (*фр.*).

будет проповедовать завтра», – говорили о нем в обществе. Голос у него был негромкий. Когда речь заходила о политическом положении страны, Блайт изрекал такие афоризмы: – Сейчас люди бродят во сне, а проснутся голыми.

Горячий сторонник сэра Джемса Фоггарта, он называл его книгу «шедевром слепого архангела». Блайт страстно любил клавикорды и был незаменим в «салоне» Флер.

Покончив с поэзией и современной музыкой, с Сибли Суоном, Уолтером Нэйзингом и Солстисом, Флер получила возможность уделять время сыну – одиннадцатому баронету. Для нее он был единственной реальностью. Пусть Майкл верит в теорию, которая принесет плоды лишь после его смерти, пусть лейбористы лелеют надежду завладеть страной – для Флер все это было неважно: 1944-й год казался ей знаменательным только потому, что в этом году Кит достигнет совершеннолетия. Имеют ли какое-нибудь значение все эти безнадежные парламентские попытки что-то сделать? Конечно, нет! Важно одно – Англия должна быть богатой и сильной, когда подрастет одиннадцатый баронет! Они хотят строить какие-то дома – ну что ж, отлично! Но так ли это необходимо, если Кит унаследует усадьбу Липпингхолл и дом на Саут-сквер? Конечно, Флер не высказывала таких циничных соображений вслух и вряд ли сознательно об этом думала. На словах она безоговорочно поклонялась великому божееству – Прогрессу.

Проблемы всеобщего мира, здравоохранения и безрабо-

тицы занимали всех, независимо от партийных разногласий, и Флер не отставала от моды. Но не Майкл и не сэр Джемс Фоггарт, а инстинкт подсказывал ей, что старый лозунг «И волки сыты, и овцы целы» – лозунг, лежащий в основе всех партийных программ, – не столь разумен, как хотелось бы. Ведь Кит не голоден, а поэтому о других не стоит очень беспокоиться, хотя, разумеется, необходимо делать вид, что вопрос об этих «других» тебя беспокоит. Флер порхала по своему «салону», со всеми была любезна, перебрасывалась словами то с тем, то с другим из гостей, а гости восхищались ее грацией, здравым смыслом и чуткостью. Нередко она бывала и на заседаниях палаты общин, рассеянно прислушивалась к речам, но каким-то седьмым чувством (если у светских женщин шесть чувств, то у Флер, несомненно, их было семь) улавливала то, что могло придать блеск ее «салону»; отмечала повышение и падение правительственного барометра, изучала политические штампы и лозунги, а главное – людей, живого человека, скрытого в каждом из членов парламента.

За карьерой Майкла она следила, словно заботливая крестная, которая подарила своему крестнику молитвенник в сафьяновом переплете, надеясь, что настанет день, когда он об этой книге вспомнит. Майкл регулярно посещал заседания палаты всю весну и лето, но ни разу не раскрыл рта. Флер одобряла это молчание и выслушивала его рассуждения о фоггартизме, тем помогая ему уяснить самому себе

свои политические убеждения. Если только в фоггартизме дано верное средство для борьбы с безработицей, как говорил Майкл, то и Флер готова была признать себя сторонницей Фоггарта: здравый смысл подсказывал ей, что безработица – это национальное бедствие – является единственной реальной опасностью, угрожающей будущности Кита. Ликвидируйте безработицу – и людям некогда будет «устраивать волнения».

Ее критические замечания часто бывали дельны.

«Дорогой мой, неужели хоть одна страна пожертвует настоящим ради будущего?» Или: «И ты действительно считаешь, что в деревне лучше жить, чем в городе?» Или: «Неужели ты согласился бы отправить четырнадцатилетнего Кита из Англии в какое-нибудь захолустье? Ты думаешь, что горожане на это пойдут?»

Подстрекаемый этими вопросами, Майкл ей возражал так упорно и с таким красноречием, что она уже не сомневалась в его успехе. Со временем он сделает карьеру, как старый сэр Джайлс Снорхэм, который скоро будет пэром Англии, потому что всегда носил шляпу с низкой тульей и проповедовал возврат к кабриолетам. Шляпы, бутоньерки, монокль – Флер не забывала обо всех этих атрибутах, способствующих политической карьере.

– Майкл, простые стекла не вредны для глаз, а монокль притягивает взоры слушателей.

– Дитя мое, отцу он никакой пользы не принес; я сомне-

ваюсь, чтобы монокль помог ему продать хотя бы три экземпляра из всех его книг! Нет! Если я сделаю карьеру, то ею я буду обязан только своему красноречию.

Но она упорно советовала ему молчать и выжидать.

– Плохо, если ты на первых же порах оступишься, Майкл.

Это лейбористское правительство не дотянет до конца года.

– Почему ты думаешь?

– У них уже голова пошла кругом, вот-вот сорвутся. Их едва терпят, а таким людям приходится быть любезными, иначе их уберут. А когда они уйдут, их сменят тори, причем, вероятно, надолго; и это время ты используешь для своих эксцентрических выходов. А пока завоевывай симпатии в своем округе. Право же, ты допускаешь ошибку, игнорируя избирателей.

В то лето Майкл уезжал на субботу и воскресенье в Мид-Бэкс «завоевывать симпатии избирателей», а Флер с одиннадцатым баронетом проводила эти дни у отца в Мейплдерхеме.

Отряхнув со своих ног прах Лондона после истории с Элдерсоном и ОГС, Сомс зажил в своем загородном доме с увлечением, даже странным для Форсайта. Он купил луга на противоположном берегу реки и завел джерсейских коров. Сельским хозяйством он заниматься не собирался, но ему нравилось переправляться в лодке через реку и смотреть, как доят коров. Кроме того, он настроил парников и увлекся разведением дынь. Английская дыня нравилась ему больше

всякой другой, а жизнь с женой-француженкой все больше склоняла его к потреблению отечественных продуктов. Когда Майкл прошел в парламент, Флер прислала отцу книгу сэра Джемса Фоггарта «Опасное положение Англии». Получив этот подарок, Сомс сказал Аннет:

– Не понимаю, зачем мне эта книга? Что я буду с ней делать?

– Прочтешь ее, Сомс.

Сомс, перелиставший книгу, фыркнул:

– Понять не могу, о чем он тут пишет.

– Я ее продам на благотворительном базаре, Сомс. Она пригодится тем, кто умеет читать по-английски.

С этого дня Сомс, сам того не замечая, начал изучать книгу. Она показалась ему странной, в ней многим доставалось. Особенно понравилась ему глава, где автор осуждает рабочего, который не желает расставаться со своими подрастающими детьми. Сомс никогда не бывал за пределами Европы и имел очень смутное представление о таких странах, как Южная Африка, Австралия, Канада и Новая Зеландия; но, видимо, этот старик Фоггарт побывал везде и свое дело знал. То, что он говорил о развитии этих стран, показалось Сомсу разумным. Дети, отправляющиеся туда, сразу прибавляют в весе и обзаводятся собственностью в том возрасте, когда в Англии они все еще разносят пакеты, ищут работы, слоняются по улицам и квалифицируются на безработных или коммунистов. Выслать их из Англии! В этом было что-то при-

влекательное для того, кто был англичанином до мозга костей. Одобрил он также и ту главу, где автор распространяется на тему о том, что Англия должна питать саму себя и позаботиться о защите от воздушных нападений. А затем в Сомсе вспыхнула неприязнь к автору. Просто нытик какой-то! Сомс объявил Флер, что эти теории неосуществимы; автор строит воздушные замки. Что сказал об этой книге Старый Монт?

– Он не желает ее читать. Он говорит, что знаком со стариком Фоггартом.

– Гм! – сказал Сомс. – В таком случае меня не удивит, если в ней окажется доля истины. (Узколобый баронет уж очень старомоден!) Как бы то ни было, но я себе уяснил, что Майкл отошел от лейбористов.

– Майкл говорит, что лейбористская партия примет фоггартизм, как только поймет, в чем тут дело.

– Каким образом?

– Он считает, что фоггартизм поможет лейбористам больше, чем кому бы то ни было. Он говорит, что кое-кто из лидеров начинает к этому склоняться, а со временем присоединятся и остальные лидеры.

– Если так, – сказал Сомс, – до рядовых членов партии этот фоггартизм никогда не дойдет.

И на две минуты он погрузился в транс. Сказал он что-то глубокомысленное или нет?

Сомс бывал очень доволен, когда Флер с одиннадцатым

баронетом приезжала к нему в конце недели. Когда родился Кит, Сомс был несколько разочарован – он ждал внуку, а одиннадцатый баронет являлся как бы неотъемлемой собственностью Монтов. Но проходили месяцы, и дед начинал интересоваться «занятым парнишкой» и удерживать его в Мейплдерхеме, подальше от Липпингхолла. Разумеется, он иногда раздражался, видя, как женщины возятся с бэби. Такое проявление материнского инстинкта казалось ему неуместным. Так нянчилась Аннет с Флер; теперь то же он наблюдал у самой Флер. Быть может, французская кровь давала о себе знать. Он не помнил, чтобы его мать поднимала такой шум; впрочем, у него не сохранилось никаких воспоминаний о том периоде, когда он был годовалым ребенком. Когда мадам Ламот, Аннет и Флер возились с его внуком, когда эти представительницы трех поколений восхищались жирным куском мяса, Сомс отправлялся на рыбную ловлю, хотя прекрасно знал, что пойманную рыбу никто есть не станет.

К тому времени, как он прочел книгу сэра Джемса Фоггарта, неприятное лето 1924 года миновало и наступил еще более неприятный сентябрь. А золотые осенние дни, пробивающиеся сквозь утренний туман, от которого на каждой паутине, протянувшейся на железных воротах, сверкают росинки, так и не наступили. Лил дождь, и вода в реке поднялась необычайно высоко. Газеты отметили, что это самое сырое лето за последние тридцать лет. Спокойная, с прозе-

ленью водорослей и отражений деревьев, река текла и текла между намокшим садом Сомса и его намокшими лугами. Грибов не было; ежевика поспела водянистая. Сомс имел обыкновение каждый год съесть по одной яголке: он утверждал, что по вкусу этой ягоды можно определить, дождливый ли был год. Появилось много мха и лишайников.

И тем не менее Сомс был настроен лучше, чем когда бы то ни было. Лейбористская партия уже несколько месяцев стояла у власти, а тучи только-только сгущались. Приход лейбористов к власти заставил Сомса обратить внимание на политику. За завтраком он пророчествовал, причем предсказания его несколько варьировались в зависимости от газетных сообщений; о тех предсказаниях, которые не сбывались, он неизменно забывал и поэтому всегда имел возможность твердить Аннет: «А что я тебе говорил?»

Впрочем, Аннет политикой не интересовалась; она посещала благотворительные базары, варила варенье, ездила в Лондон за покупками. Несмотря на склонность к полноте, она до сих пор была замечательно красива.

Когда Сомсу стукнуло шестьдесят девять лет, Джек Кардиган, муж его племянницы Имоджин, преподнес ему набор палок для гольфа. Сомс был сбит с толку. Черт возьми, что он будет с ними делать? Аннет, находчивая, как все француженки, рассердила его, посоветовав ими воспользоваться. Это было нетактично. В его-то годы! Но как-то в мае, в конце недели, приехал сам Кардиган с Имоджин и сильным ударом

палки перебросил мяч через реку.

– Дядя Сомс, держу пари на ящик сигар, что до нашего отъезда вы этого сделать не сумеете, а уезжаем мы в понедельник.

– Я не курю и никогда не держу пари, – сказал Сомс.

– Пора бы начать! Слушайте, завтра я вас обучу игре в гольф.

– Вздор! – сказал Сомс.

Но вечером он заперся в своей комнате, облачился в пижаму и стал размахивать руками, подражая Джеку Кардигану. На следующий день он отправил женщин на прогулку в автомобиле: ему не хотелось, чтобы они над ним издевались. Редко приходилось ему переживать часы более неприятные, чем те, какие выпали в тот день на его долю. Досада его достигла высшей степени, когда ему удалось наконец попасть по мячу и мяч упал в реку у самого берега. Наутро он не мог разогнуть спину, и Аннет растирала его, пока он не сказал:

– Осторожнее! Ты с меня кожу сдираешь!

Однако яд проник в кровь. Испортив еще несколько клумб и газонов в собственном саду, Сомс вступил членом в ближайший гольф-клуб и каждый день после утреннего завтрака в течение часа бродил, гоня мяч, по лужайке, а за ним следовал мальчик, отыскивавший мячи. Сомс тренировался со свойственным ему упорством и к июлю приобрел некоторую сноровку. Он горячо рекомендовал и Аннет заняться этим спортом, дабы убавить в весе.

– Мерси, Сомс, – отвечала она. – Я не имею ни малейшего желания походить на ваших английских мисс, плоских, как доска, и спереди и сзади.

Она была реакционерка, как вся ее нация, и Сомс не настаивал, так как втайне питал склонность к формам округлым. Он обнаружил, что гольф благотворно подействовал на его печень и настроение. На щеках появился румянец. После первой партии с Джеком Кардиганом, в которой последний дал ему три удара вперед на каждую лунку и обставил его на девять лунок, Сомс получил какой-то сверток. К великому его смятению, то был ящик сигар. Сомс недоумевал: что это взбрело Джеку в голову? Намерения Кардигана открылись ему лишь через несколько дней: как-то вечером, сидя у окна в своей картинной галерее, он обнаружил во рту сигару. Как это ни странно, но голова у него не кружилась. Ощущение несколько напоминало те времена, когда он «занимался Куэ». Теперь это вышло из моды – Уинифрид рассказывала ему, что какой-то американец открыл более короткий путь к счастью. Мелькнуло подозрение, что семья в заговоре с Джеком Кардиганом, и он решил курить только здесь, в картинной галерее; так сигары приобрели аромат тайного порока. Потихоньку он пополнял свои запасы. Но спустя некоторое время выяснилось, что Аннет, Флер и все остальные осведомлены обо всем, и тогда Сомс во всеуслышание заявил, что не сигары, а папиросы – величайшее зло нашего века.

– Дорогой мой, – сказала ему при встрече Уинифрид, – да

тебя не узнать, ты стал другим человеком!

Сомс поднял брови. Никакой перемены он не заметил.

– Забавный тип этот Кардиган, – сказал он. – Сегодня я пообедаю и переночую у Флер: они только что вернулись из Италии. В понедельник заседание палаты.

– Да, – сказала Унифрид. – И зачем это заседать во время летнего перерыва!

– Ирландия! – изрек Сомс. – Опять зашевелились.

Старая история, и конца ей не видно!

III

Майкл «производит разведку»

Из Италии Майкл вернулся, охваченный тем желанием приняться за дело, которое свойственно людям после дней отдыха, проведенных на юге. Он вырос в деревне, по-прежнему интересовался проблемой безработицы, по-прежнему верил, что фоггартизм может разрешить ее; больше ни одним из обсуждаемых в палате вопросов он не увлекся и пока что поедал хлеб, возвращенный другими, и ничего не делал. И теперь ему хотелось знать, какую, в сущности, позицию он занимает и долго ли будет ее занимать.

Выйдя в тот день из палаты, где разбирал накопившиеся письма, он побрел по улице с намерением «произвести разведку», как выразился бы Старый Форсайт. Направлялся он к Пивенси Блайту, в редакцию еженедельного журнала.

ла «Аванпост». Загорелый от итальянского солнца, похудевший от итальянской кухни, он шел быстро и думал о многом. Дойдя до набережной, где на деревьях сидели безработные птицы и тоже как будто выясняли, какую позицию они занимают и долго ли будут ее занимать, он достал из кармана письмо и перечитал его.

«12, Сэпперс-Роу.

Кэмден-Таун

Уважаемый сэр!

В справочнике „Весь Лондон“ Ваша фамилия появилась недавно, и, быть может, Вы не будете жестоки к тем, кто страдает. Я – уроженка Австрии; одиннадцать лет назад вышла замуж за немца. Он был актером, служил в английских театрах, так как родители (их уже нет в живых) привезли его в Англию ребенком. Он был интернирован, и это подорвало его здоровье. Сейчас у него сильная неврастения, и никакой работы он выполнять не может. До войны у него всегда был ангажемент, и жили мы хорошо. Но часть денег была израсходована во время войны, когда я оставалась одна с ребенком, а остальное конфисковано по мирному договору, и вернули нам лишь ничтожную сумму, потому что мы оба – не англичане. То, что мы получили, ушло на уплату долгов, на доктора и на похороны нашего ребенка. Я очень его любила, но хорошо, что он умер: ребенок не может жить так, как мы сейчас живем. Я зарабатываю на жизнь шитьем; зарабатываю мало – фунт в неделю, а иногда ровно ничего. Антрепренеры

не желают иметь дело с моим мужем: он иногда вдруг начинает трястись, и они думают, что он пьет; но, уверяю Вас, сэр, что у него нет денег на виски. Мы не знаем, к кому обратиться, не знаем, что делать. Вот я и подумала, сэр, не поможете ли Вы нам вернуть наши сбережения. С нами были очень любезны, но говорят, что выполняют распоряжение и иначе не могут. Или, быть может, Вы дадите моему мужу какую-нибудь работу на свежем воздухе; доктор говорит, что ему это необходимо. Ехать в Германию или Австрию не имеет смысла, так как наши родные умерли. Думаю, таких, как мы, очень много, и все-таки обращаюсь к Вам с просьбой, сэр, потому что живем мы впроголодь, а жить нужно. Прошу прощения за причиняемое Вам беспокойство и остаюсь преданная Вам

Анна Бергфелд».

«Помоги им Бог», – подумал Майкл без всякого, впрочем, убеждения, проходя под платанами возле «Иглы Клеопатры»⁸. Он считал, что Богу едва ли не меньше дела до участи неимущих иностранцев, чем директору Английского банка до участи фунта сахара, купленного на часть фунтового банкнота. Богу в голову не придет заинтересоваться мелкой рябью на поверхности вод, которым он повелел течь, когда занимался устройством миров. В представлении Майкла Бог был монархом, который сам себя строго ограничил кон-

⁸ «Игла Клеопатры» – речь идет о древнеегипетском гранитном обелиске, перевезенном в Лондон в 1878 г.

ституцией. Он сунул письмо в карман. Бедные люди! Но ведь сейчас в Англии миллион двести тысяч безработных англичан, а всему виной проклятый кайзер со своим флотом! Если бы в 1899 году этому молодчику и его банде не пришлось в голову начать борьбу за господство на море, Англия не попала бы в переделку и, может быть, не произошло бы вообще никакого столкновения!

Дойдя до Темпля, Майкл повернул к редакции «Аванпоста». Этим еженедельником он интересовался уже несколько лет. Казалось, «Аванпосту» все было известно, и журнал производил на читателя впечатление, будто, кроме него, никто ничего не знает, поэтому высказывания его звучали веско. Ни одной партии он особого предпочтения не отдавал и потому мог покровительствовать всем. Он не кричал о величии империи, но дела ее знал превосходно. Не будучи литературным журналом, он не пропускал случая сбить спесь с представителя литературного мира – это Майкл имел удовольствие отмечать еще в пору своей издательской работы. Заявляя о своем уважении к церкви и закону, журнал умело подпускал им шпильки. Он уделял много внимания театру. Но лучше всего ему, пожалуй, удавались разоблачения политических деятелей, которых он неоднократно ставил на место. Кроме того, от его передовиц исходил «святой дух» вдохновенного всеведения, облеченного в абзацы, не вполне понятные для простого смертного; без этого, как известно, ни один еженедельник не принимают всерьез.

Майкл, шагая через две ступеньки, поднялся по лестнице и вошел в большую квадратную комнату. Мистер Блайт стоял спиной к двери, указывая линейкой на какой-то кружочек, обозначенный на карте.

– Ни к черту такая карта не годится, – сообщил мистер Блайт самому себе.

Майкл фыркнул, Блайт оглянулся; глаза у него были круглые, навывкате, под глазами мешки.

– Алло! – вызывающе бросил он. – Вы? Министерство колоний издало эту карту специально для того, чтобы указать лучшие места для переселения, а о Беггерсфонтене позабыли.

Майкл уселся на стол.

– Я пришел спросить, что вы думаете о создавшемся положении. Моя жена говорит, что правительство лейбористов скоро будет опрокинуто.

– Очаровательная маленькая леди! – сказал Блайт. – Трудно сказать, когда правительство рухнет. По-видимому, оно будет прозябать. Русский и ирландский вопросы им еще удастся разрешить, но возможно, что в феврале, при рассмотрении бюджета, они поскользнутся. Вот что, Монт: когда с русским вопросом будет покончено – ну, скажем, в ноябре, – можно выступить.

– Эта первая речь меня пугает, – сказал Майкл. – Как мне проводить фоггартизм?

– К тому времени успеет создаться фикция какого-то мне-

ния.

– А мнение будет?

– Нет, – сказал мистер Блайт.

– Ох! – вздохнул Майкл. – А кстати, как насчет свободы торговли?

– Будут проповедовать свободу торговли и повышать пошлины.

– Бог и мамона?⁹

– В Англии нельзя иначе, Монт, если нужно провести что-то новое. Есть же у нас либерал-юнионисты, тори-социалисты и...

– Прочие жулики, – мягко подсказал Майкл.

– Будут извиваться, ругать протекционизм, пока он не восторжествует над свободой торговли, а потом начнут ругать свободу торговли. Фоггартизм – это цель; свобода торговли и протекционизм – средства, а отнюдь не цель, как утверждают политики.

Словно подхлестнутый словом «политики», Майкл соскочил со стола; он начинал симпатизировать этим несчастным. Предполагалось, что они никаких чувств к родине не питают и не могут предугадать грядущих событий. Но, в самом деле, кто сумеет во время туманных прений определить, что хорошо, а что плохо для страны? Майклу казалось иногда, что даже старик Фоггарт на это не способен.

– Знаете ли, Блайт, – сказал он, – мы, политики, не дума-

⁹ Мамона – сирийское божество, олицетворявшее богатство, земные блага.

ем о будущем просто потому, что это бессмысленно. Каждый избиратель отождествляет свое личное благополучие с благополучием страны. Взгляды избирателя изменяются лишь в том случае, если у него самого жмет башмак. Кто выступит на защиту фоггартизма, если эта теория, осуществленная на практике, приведет к повышению цен на продукты и отнимет у рабочего детей, зарабатывающих на семью? А благие результаты скажутся лишь через десять или двадцать лет!

– Дорогой мой, – возразил Блайт, – наше дело – обращать неверных. В настоящее время члены тред-юнионов презирают внешний мир. Они его никогда не видели. Их кругозор ограничен их грязными улочками. Но стоит затратить пять миллионов и организовать поездку за границу для ста тысяч рабочих, чтобы через пять лет сказались результаты. Рабочий класс заразился лихорадочным желанием завладеть своим местом под солнцем. Их дети могут получить это место. Но можно ли винить рабочих теперь, когда они ничего не знают?

– Мысль не плоха! – заметил Майкл. – Но как посмотрит на это правительство? Можно мне взять эти карты?... Кстати, – добавил он, направляясь к двери, – известно ли вам, что и сейчас существуют общества для отправки детей в колонии?

– Известно, – проворчал Блайт. – Прекрасная организация! Обслуживает несколько сот ребят, дает конкретное представление о том, что могло бы быть. Расширить ее дея-

тельность во сто раз – и начало будет положено. В настоящее же время это капля в море. Прощайте!

Майкл вышел на набережную, размышляя о том, можно ли из любви к родине защищать необходимость эмиграции. Но тотчас же он вспомнил о тяжелых жилищных условиях в этом грязном, дымном городе; о детях, обездоленных с рождения; о толпах безработных, которые в настоящих условиях ни на что рассчитывать не могут. Право же, нельзя примириться с таким положением дел в стране, которую любишь! Башни Вестминстера темнели на фоне заката. И в сознании Майкла встали тысячи мелочей, связанных с прошлым, – деревья, поля и ручьи, башни, мосты, церкви; все звери и певчие птицы Англии, совы, сойки, грачи в Липпингхолле, едва уловимое отличие кустарников, цветов и мхов от их иностранных разновидностей; английские запахи, английский туман над полями, английская трава; традиционная яичница с ветчиной; спокойный, добрый юмор, умеренность и мужество; запах дождя, цвет яблони, вереск и море. Его земля, его племя – сердцевина у них не гнилая. Он прошел мимо башни с часами. Здание парламента стояло кружевное, внушительное, красивее, чем принято считать. Быть может, в этом доме ткут, словно паутину, будущее Англии? Или же раскрашивают занавес, экран, заслоняющий старую Англию?

Раздался знакомый голос:

– Какая громадина!

И Майкл увидел своего тестя, созерцающего статую Линкольна.

– Зачем ее здесь поставили? – сказал Сомс. – Ведь он не англичанин!

Он зашагал рядом с Майклом.

– Как Флер?

– Молодцом. Италия пошла ей на пользу.

Сомс засопел.

– Легкомысленный народ! – сказал он. – Вы видели Миланский собор?

– Да, сэр. Пожалуй, это единственное, к чему мы остались равнодушны.

– Гм! В тысяча восемьсот восемьдесят втором году у меня от итальянской стряпни сделались колики. Должно быть, теперь там лучше кормят. Как мальчик?

– Прекрасно, сэр.

Сомс удовлетворенно проворчал что-то. Они завернули за угол, на Саут-сквер.

– Это что такое? – сказал Сомс.

У подъезда стояло два старых чемодана. Какой-то молодой человек с саквояжем в руке звонил у парадной двери. Только что отъехало такси.

– Понятия не имею, сэр, – сказал Майкл. – Быть может, это архангел Гавриил.

– Он не туда попал, – сказал Сомс, направляясь к подъезду.

Но в эту минуту молодого человека выпустили в дом.

Сомс подошел к чемоданам.

– «Фрэнсис Уилмот», – прочел он вслух, – пароход «Амфибия». Это какое-то недоразумение!

IV

Только разговоры

Когда они вошли в дом, Флер уже показала молодому человеку его комнату и спустилась вниз. Она была в вечернем туалете – иными словами, скорее раздета, чем одета; волосы ее были коротко острижены...

– Дорогая моя, – сказал ей Майкл, когда короткая стрижка входила в моду, – ну пожалей меня, не делай этого! Ведь у тебя будет такой колючий затылок, что и поцеловать нельзя будет.

– Дорогой мой, – ответила она, – это неизбежно. Ты всякую новую моду встречаешь в штыки.

Она попала в первую дюжину женщин со стриженными затылками и уже опасалась, как бы не опоздать и попасть в первую дюжину тех, кто снова начнет отпускать волосы. У Марджори Феррар – Гордость Гедонистов, как называл ее Майкл, – волосы отросли уже на добрый дюйм. Отставать от Марджори Феррар не хотелось... Подойдя к отцу, она сказала:

– Папа, я предложила одному молодому человеку остано-

виться у нас. Джон Форсайт женился на его сестре. Ты загорел, дорогой мой. Как мама?

Сомс молча смотрел на нее.

Наступил один из тех неприятных моментов, когда Флер чувствовала, что отец любит ее слишком сильно и словно не прощает ее поверхностной любви к нему. Ей казалось, что он не имеет права так смотреть на нее. Как будто в этой старой истории с Джоном она не страдала больше, чем он! Если теперь она может спокойно вспоминать прошлое, то и он должен последовать ее примеру. А Майкл – Майкл не сказал ни слова, даже не пошутил! Она закусила губу, тряхнула коротко подстриженными волосами и прошла в «биметаллическую гостиную».

За обедом, когда подали суп, Сомс заговорил о своих коровах и пожалел, что они не хэрифордской породы. Должно быть, в Америке много хэрифордских коров?

Фрэнсис Уилмот ответил, что американцы разводят голштинских коров.

– Голштинских? – повторил Сомс. – У нас они вошли в моду, когда я был мальчишкой. Какой масти?

– Пестрые, – сказал Фрэнсис Уилмот. – У вас в Англии чудесная трава.

– Слишком у нас сыро, – сказал Сомс. – Мы на реке.

– Темза? Какой она ширины, когда нет прилива?

– Там, где живу я, – не больше ста ярдов.

– А рыба водится?

– Рыбы много.

– Вода в Темзе прозрачная, а в наших южных реках бурая.

А из деревьев у вас чаще всего попадаются ивы, тополя и вязы.

Сомс недоумевал. В Америке он ни разу не был. Американцев считал, конечно, людьми, но очень своеобразными: все они на одно лицо, голова у них не гнется, плечи неестественно широкие, а голос резкий. Их доллар стоит слишком высоко, они все имеют автомобили и презирают Европу, однако наводняют Европу и увозят к себе на родину все, что только можно увезти. Пить им не разрешается, а говорят они очень много. Но этот молодой человек опровергает все предвзятые мнения. Он пьет херес и говорит только тогда, когда к нему обращаются. Голос у него звучит мягко, а плечи не слишком широкие. Но, может быть, Европу он все-таки презирает?

– Должно быть, Англия вам показалась очень маленькой, – сказал Сомс.

– О нет, сэр. Лондон очень велик, а деревня у вас очаровательная.

Сомс скосил глаза на кончик своего носа.

– Недурна! – сказал он.

Подали палтус. За стулом Сомса послышался какой-то шорох.

– Собака! – сказал Сомс и подцепил на вилку кусок рыбы, показавшийся ему несъедобным.

– Нет, нет, папа. Он хочет только, чтобы ты на него посмотрел.

Сомс опустил руку, и Дэнди лег на бок.

– Есть он не хочет, – продолжала Флер. – Он требует, чтобы на него обратили внимание.

Подали жареных куропаток.

– Что бы вам хотелось посмотреть здесь, в Англии, мистер Уилмот? – спросил Майкл. – Вряд ли вы найдете у нас что-нибудь такое, чего бы не было в Америке. Даже Риджент-стрит модернизирована.

– Я хочу посмотреть лейб-гвардейцев, выставку собак Крафта, ваших чистокровных лошадей и дерби.

– Дерби вам придется ждать до июня будущего года, – заметил Сомс.

– Скаковых лошадей вам покажет мой кузен Вэл, – сказала Флер. – Вы знаете, он женат на сестре Джона.

Подали мороженое.

– Вот чего у вас, наверное, много в Америке, – сказал Сомс.

– Нет, сэр, на Юге мороженого едят мало. Есть у нас кое-какие местные кушанья – очень вкусные.

– Мне говорили о черепахах.

– Я таких деликатесов не ем. Ведь я живу в глуши и много работаю. У нас все по-домашнему. Работают у меня славные негры, они прекрасно стряпают. Самые старые помнят еще моего деда.

А, так он из Южных Штатов! Сомс слышал, что жители Южных Штатов – джентльмены. И не забыл «Алабаму»¹⁰ и как его отец Джемс говорил: «Я так и знал», когда в связи с этой историей правительство получило по носу.

В молчании, наступившем, когда подали поджаренный хлеб с икрой, были ясно слышны шаги Дэнди по паркету.

– Вот единственное, что он любит, – сказала Флер. – Дэн, ступай к хозяину! Дай ему кусочек, Майкл.

И она украдкой посмотрела на Майкла, но он не ответил на ее взгляд.

Во время путешествия по Италии Майкл переживал свой подлинный медовый месяц. Под влиянием новой обстановки, солнца и вина Флер словно отогрелась, не прочь была покутить, охотно отвечала на его ласки, и Майкл впервые со дня женитьбы чувствовал, что та, кого он любит, избрала его своим спутником. А теперь явился этот американец и принес напоминание о том, что ты играешь только вторую скрипку, а первое место принадлежит троюродному брату и первому возлюбленному. И Майкл чувствовал, что снова оторвали чашу от его уст. Флер пригласила молодого человека, потому что тот связан с ее прошлым, в котором Майклу не отведено места. Не поднимая глаз Майкл угощал Дэнди ла-

¹⁰ ...И не забыл «Алабаму»... – Речь идет о конфликте между США и Англией во время гражданской войны в Америке, вызванном постройкой и продажей южным штатам крейсера «Алабама». В результате, по решению арбитражного суда, Англия была вынуждена уплатить Америке 15,5 млн. долларов за причиненный этим судном ущерб.

комыми кусочками.

Молчание нарушил Сомс:

– Возьмите мускатный орех, мистер Уилмот. Дыня без мускатных орехов...

Когда Флер встала из-за стола, Сомс последовал за ней в гостиную, а Майкл увел молодого американца в свой кабинет.

– Вы знали Джона? – спросил Фрэнсис Уилмот.

– Нет, ни разу с ним не встречался.

– Он славный человек. Сейчас он разводит персики.

– И думает заниматься этим и впредь?

– Конечно.

– В Англию не собирается?

– В этом году нет. У них прекрасный дом, есть лошади и собаки. Можно и поохотиться. Быть может, будущей осенью он приедет с моей сестрой.

– Вот как? – отозвался Майкл. – А вы долго думаете здесь прожить?

– К Рождеству хочу вернуться домой. Я думаю побывать в Риме и Севилье. И хочу съездить в Вустершир, посмотреть дом моих предков.

– Когда они переселились?

– При Вильгельме и Марии¹¹. Были католиками. Там хо-

¹¹ ...*При Вильгельме и Марии...* – Правление Вильгельма III Оранского и его супруги Марии продолжалось с 1689 по 1702 г. и сопровождалось гонениями на католиков, вызвавшими их массовую эмиграцию в Америку.

рошо, в Вустершире?

– Очень хорошо, особенно весной. Много фруктовых садов.

– О, вы еще здесь что-то разводите?

– Очень мало.

– Я так и думал. В поезде, по дороге из Ливерпуля, я смотрел в окно и видел прекрасные луга, двух-трех овец; но не было людей, работающих в полях. Значит, теперь все живут в городах?

– За редкими исключениями. Вы должны съездить в имение моего отца; в тех краях еще можно найти одну-две брюквы.

– Печально, – сказал Фрэнсис Уилмот.

– Да. Во время войны мы снова начали сеять пшеницу, но затем бросили это дело.

– Почему?

Майкл пожал плечами.

– Непонятно, чем руководствуются наши государственные деятели. Когда они у власти, им плевать на земельный вопрос. Как только они попадают в оппозицию, так начинают о нем трубить. К концу войны у нас был первый воздушный флот в мире и земледелие начало было развиваться. А как поступило правительство? Махнуло рукой и на то и на другое. Это трагично. А что разводят у вас в Каролине?

– В наших краях возделывают только хлопок. Но теперь нелегко на этом заработать. Рабочие руки стоят дорого.

– Как, и у вас то же самое?

– Да, сэр. Скажите, иностранцев пускают на заседания парламента?

– Конечно. Хотите послушать прения по ирландскому вопросу? Я могу устроить вам место на галерее для знатных иностранцев.

– Я думал, англичане – народ чопорный, но у вас я себя чувствую совсем как дома. Этот старый джентльмен – ваш тесть?

– Да.

– Он какой-то особенный. Он банкир?

– Нет. Но, пожалуй, следовало бы ему быть банкиром.

Взгляд Фрэнсиса Уилмота, бродивший по комнате, остановился на «Белой обезьяне».

– Знаете, – сказал он тихо, – вот это изумительная вещь. Нельзя ли устроить, чтобы этот художник написал мне картину, я бы отвез ее Энн и Джону.

– Боюсь, затруднительно будет. Видите ли, он был китаец, даже не самого лучшего периода, и уже лет пятьсот, как отправился к праотцам.

– Ах так! Ну, животных он прекрасно чувствовал.

– Мы считаем, что он прекрасно чувствовал людей.

Фрэнсис Уилмот удивился и промолчал. Майклу подумалось, что этот молодой человек вряд ли в состоянии оценить сатиру.

– Значит, вы хотите побывать на выставке собак Крафф-

та? – сказал он. – Вероятно, любите собак?

– Я думаю купить ищейку для Джона и двух для себя. Хочу разводить породистых ищейек.

Майкл откинулся на спинку стула и выпустил облако дыма. Он почувствовал, что для Фрэнсиса Уилмота мир еще совсем молод и жизнь мягко, словно на резиновых шинах, несет его к желанной цели. А вот Англия-то!..

– Что вы, американцы, хотите взять от жизни? – неожиданно задал он вопрос.

– Мне кажется, мы хотим добиться успеха. Во всяком случае, это можно сказать о северных штатах.

– К этому мы стремились сто лет тому назад, – сказал Майкл.

– О! А теперь?

– Успеха мы добились, а теперь размышляем, не посадили ли мы сами себя в калошу.

– Видите ли, – сказал Фрэнсис, – ведь Америка заселена не так густо, как Англия.

– Совершенно верно, – сказал Майкл. – Здесь на каждое место имеется кандидат, а многим приходится сидеть у самих себя на коленях. Хотите выкурить еще одну сигару или пойдём в гостиную?

V

Пасынки

Быть может, Провидение было вполне удовлетворено улицей Сэпперс-Роу в Кэмден-Тауне, но Майкл никакого удовлетворения не испытывал. Как оправдать эти унылые, однообразные ряды трехэтажных домов, таких грязных, что их можно было сравнить только с воротничками, выстиранными в Италии? Какое отношение к коммерции имеют эти жалкие лавчонки? Кому придет в голову свернуть на эти задворки с шумной, звенящей трамваями улицы, пропитанной запахом жареной рыбы, бензина и старого платья? Даже дети, которых с героическим упорством производили здесь на свет во вторых и третьих этажах, уходили искать радостей жизни подальше: ведь на Сэпперс-Роу не представлялось возможности ни попасть под колеса, ни поглазеть на афиши кино. Уличное движение здесь составляли только ручные тележки, велосипеды, фургоны, выдавшие лучшие времена, да сбившиеся с дороги такси; потребность в красоте удовлетворяли только герань в горшках да пятнистые кошки. Вся улица никла, рассыпалась в прах.

Отправляясь туда, Майкл поступал против своих принципов. Именно здесь чувствовалось, как густо населена Англия, а он проповедовал уменьшение населения и тем не менее собирался нанести визит разорившимся иностранцам и

не дать им умереть. Он заглянул в две-три лавчонки. Ни души! Что хуже – битком набитая лавчонка или пустая? Перед домом № 12 Майкл остановился, поднял голову и увидел в окне лицо, бледное, восковое. Голова женщины, сидевшей у окна, была опущена над шитьем.

«Вот моя корреспондентка», – подумал он.

Он вошел в парикмахерскую в первом этаже, увидел пыльное зеркало, грязный таз, сомнительной чистоты полотенце, флаконы и два ветхих стула. На одном из этих стульев сидел верхом худой человек без пиджака и читал «Дейли мейл». Щеки у него были впалые, волосы жидкие, а глаза – философа, трагические и задумчивые.

– Волосы подстричь, сэр?

Майкл покачал головой.

– Здесь живут мистер и миссис Бергфелд?

– Наверху.

– Как мне туда попасть?

– Вот сюда.

За занавеской Майкл увидел лестницу и, поднявшись на верхнюю площадку, остановился в нерешительности. В памяти еще живы были слова Флер, прочитавшей письмо Анны Бергфелд: «Да, конечно, но какой смысл?» В эту минуту дверь отворилась, и Майклу почудилось, что перед ним стоит мертвец, вызванный из могилы: мертвенно бледным и таким напряженным было лицо.

– Миссис Бергфелд? Моя фамилия Монт. Вы мне писали.

Женщина так задрожала, что Майкл испугался, как бы она не потеряла сознание.

– Простите, сэр, я сяду. – И она опустилась на край кровати.

В комнате было очень чисто и пусто; кровать, деревянный умывальник, герань в горшке, у окна стул, на нем – брошенное шитье, женская шляпа на гвоздике, на сундуке – аккуратно сложенные брюки; больше в комнате ничего не было.

Женщина снова встала. На вид ей было не больше тридцати лет; худая, но сложена хорошо; овальное, бледное, без кровинки лицо и темные глаза больше вязались с картинами Рафаэля, чем с этой улицей.

– Слово ангела увидела, – сказала она. – Простите меня, сэр.

– Довольно странный ангел, миссис Бергфелд. Ваш муж дома?

– Нет, сэр. Фриц пошел погулять.

– Скажите, миссис Бергфелд, вы поедете в Германию, если я заплачу за проезд?

– Теперь мы не получим разрешения на постоянное жительство; Фриц прожил здесь двадцать лет; он уже не германский подданный, сэр. Такие люди, как мы, им не нужны.

Майкл взъерошил волосы.

– А сами вы откуда родом?

– Из Зальцбурга.

– Не хотите ли туда вернуться?

– Я бы хотела, но что мы там будем делать? Теперь в Австрии народ беден, а родственников у меня нет. Здесь мне все-таки дают работу.

– Сколько вы зарабатываете в неделю?

– Иногда фунт, иногда пятнадцать шиллингов. Этого хватает на хлеб да на квартирную плату.

– Вы не получаете пособия?

– Нет, сэр. Мы не зарегистрированы.

Майкл достал пятифунтовый билет и положил его вместе со своей визитной карточкой на умывальник.

– Мне придется об этом подумать, миссис Бергфелд. Быть может, ваш муж заглянет ко мне?

Призрачная женщина густо покраснела, и Майкл поспешил выйти.

Внизу за занавешенной дверью парикмахер вытирал таз.

– Застали вы их дома, сэр?

– Только миссис Бергфелд.

– А! Должно быть, она видала лучшие дни. Муж ее – странный парень, как будто не в себе. Хотел стать моим компаньоном, но мне придется закрыть парикмахерскую.

– В самом деле? Почему?

– Мне нужен свежий воздух – у меня осталось одно легкое, да и то затронуто. Придется поискать другой работы.

– Теперь это не так-то легко.

Парикмахер пожал костлявыми плечами.

– Эх, – сказал он. – всю жизнь я был парикмахером, толь-

ко во время войны отошел от этого дела. Странно было возвращаться сюда после того, как я побывал на фронте. Война выбила меня из строя.

Он закрутил свои жидкие усики.

– Пенсию получаете? – спросил Майкл.

– Ни одного пенни! Сейчас мне нужна работа на свежем воздухе.

Майкл осмотрел его с ног до головы. Худой, узкогрудый, с одним легким!

– А вы имеете представление о деревенской жизни?

– Ни малейшего. А все-таки нужно что-нибудь найти, а то хоть помирай.

Его трагические глаза впилась в лицо Майкла.

– Печально, – сказал Майкл. – Прощайте!

Парикмахер ответил судорожным кивком.

Покинув Сэпперс-Роу, Майкл вышел на людную улицу. Ему вспомнилась сценка из одной пьесы, которую он видел года два назад; кто-то из действующих лиц произносит такие слова: «Условия, в каких живет народ, оставляют желать лучшего. Я приму меры, чтобы поднять этот вопрос в палате». «Условия, в каких живет народ»! Кто принимает это близко к сердцу? Это только кошмар, встревоживший на несколько ночей, семейная тайна, которую тщательно скрывают, вой голодной собаки, доносящийся издалека. И, быть может, меньше всех встревожены те шестьсот человек, что заседают с ним в палате. Ибо улучшать «условия, в каких

живет народ», – их непосредственная задача, а сознание выполняемого долга успокаивает совесть. Со времен Оливера Кромвеля их сменилось там, верно, не менее шестнадцати тысяч, и все преследовали одну и ту же цель. Ну и что же, добились чего-нибудь? Вернее, что нет. А все-таки они-то работают, а другие только смотрят да помогают советами!

Об этом он размышлял, когда раздался чей-то голос:

– Не найдется ли у вас работы, сэр?

Майкл ускорил шаги, потом остановился. Он заметил, что человек, задавший этот вопрос, шел опустив глаза и не обратил внимания на эту попытку к бегству. Майкл подошел к нему; у этого человека были черные глаза и круглое, одутловатое лицо, напоминавшее пирог с начинкой. Приличный, хоть и обтрепанный, спокойный и печальный, на груди воинский значок – значок демобилизованных солдат.

– Вы что-то сказали? – спросил Майкл.

– Понятия не имею, как это у меня вырвалось, сэр.

– Без работы?

– Да; и приходится туго.

– Женаты?

– Вдовец, сэр; двое детей.

– Пособие?

– Получаю; и здорово оно мне надоело.

– Вы были на войне?

– Да, в Месопотамии.

– За какую работу возьметесь?

– За любую.

– Как фамилия? Дайте мне ваш адрес.

– Генри Боддик; 94, Уолтхэм-Билдингс, Геннерсбери.

Майкл записал.

– Обещать ничего не могу, – сказал он.

– Понимаю, сэр.

– Ну, всего вам хорошего. Сигару хотите?

– Очень вам благодарен, сэр. И вам всего хорошего!

Майкл козырнул и пошел вперед. Отойдя подальше от Генри Боддика, он сел в такси. Еще немного – и он рисковал утратить то спокойствие духа, без которого невозможно засесть в палате.

На Портленд-Плэйс часто попадались дома с табличками: «Продается или сдается внаем», и это помогло ему вновь обрести равновесие.

В тот же день он повел Фрэнсиса Уилмота в парламент. Проводив молодого человека на галерею для знатных иностранцев, он прошел вниз.

В Ирландии Майкл никогда не был, и прения представляли для него мало интереса. Впрочем, он мог наглядно убедиться, что по каждому вопросу возникает ряд препятствий, исключающих возможность соглашения. Необходимость сговориться подчеркивал почти каждый оратор, тут же заявляя, что нельзя уступить по тому или иному пункту, и тем самым сводя на нет все шансы на соглашение. Однако Майклу показалось, что, если принять во внимание тему,

прения протекают сравнительно гладко; сейчас члены палаты выйдут из зала в разные двери, чтобы проголосовать за то, за что они решили голосовать еще до начала прений. Вспомнилось ему, какое волнение испытывал он, впервые присутствуя на заседании. Каждая речь производила на него глубокое впечатление, и казалось – каждый оратор должен был обратить слушателей в свою веру. Велика была его досада, когда он убедился, что прозелитов¹² нет! За кулисами работает какая-то сила, куда более мощная, чем самое яркое и искреннее красноречие. Стирают белье в другом месте, здесь его только проветривают, перед тем как надеть. Но все же, пока люди не выразят своей мысли вслух, они сами не знают, о чем думают, а иногда не знают и после того, как высказались. И в сотый раз Майкл почувствовал дрожь в коленях. Через несколько недель ему самому придется выступить. Отнесется ли к нему палата «с обычным снисхождением», или же его остановят фразой: «Молодой человек, яйца курицу не учат! Замолчите!»

Он огляделся по сторонам.

Его коллеги, члены палаты, сидели в самых разнообразных позах. Казалось, на этих избранных народа оправдывалась доктрина: человеческая природа остается неизменной, а если изменяется, то так медленно, что процесс незаметен. Прототипы этих людей он уже видел в римских статуях, в средневековых портретах. «Просты, но обаятельны», –

¹² *Прозелит* – человек, принявший новую веру.

подумал он, бессознательно повторяя слова, которые в пору своего расцвета Джордж Форсайт говорил, бывало, о самом себе. Но принимают ли они себя всерьез, как во времена Бэрка или хотя бы как во времена Гладстона?

Слова «с обычным снисхождением» нарушили ход его мыслей. Значит, ему предстоит выслушать первую речь одного из членов. Да, совершенно верно! Депутат от Корнмаркета. Майкл приготовился слушать. Оратор говорил сдержанно и толково; видимо, он старался внушить, что не следует пренебрегать правилом: «Поступай по отношению к другим так, как бы ты хотел, чтобы поступали по отношению к тебе»; да, этим правилом пренебрегать не нужно даже в тех случаях, когда вопрос касается Ирландии. Но речь была растянута, слишком растянута. Майкл заметил, что слушатели устали. «Эх, бедняга!» – подумал он, когда оратор поспешно сел. После него выступил очень красивый джентльмен.

Он поздравил уважаемого коллегу с блестящей речью, но высказал сожаление, что она не имеет никакого отношения к разбираемому вопросу. Вот именно! Майкл покинул заседание и, отыскав своего «знатного иностранца», пошел с ним на Саут-сквер. Фрэнсис Уилмот был в восторге.

– Замечательно! – воскликнул он. – Кто этот джентльмен под балдахином?

– Спикер, председатель палаты.

– Следовало бы дать ему подушку с кислородом. Наверно, его клонит ко сну. Мне понравился депутат, который вы-

ступал последним. В Америке он бы выдвинулся, у него есть идеи.

– Тот самый идеализм, который мешает вам вступить в Лигу наций? – усмехнулся Майкл.

Фрэнсис Уилмот резко повернул голову.

– Ну что же, – сказал он, – мы такие же люди, как и все остальные, если покопаться поглубже.

– Совершенно верно, – отозвался Майкл, – идеализм – это всего-навсего отходы географии, дымка, заволакивающая даль. Чем дальше вы от сути дела – тем гуще дымка. Мы относимся к европейской ситуации на двадцать морских миль идеалистичнее, чем французы. А вы – на три тысячи миль идеалистичнее, чем мы. Что же касается негритянского вопроса, то тут мы настолько же идеалистичнее вас, не так ли?

Фрэнсис Уилмот прищурил темные глаза.

– Да, – сказал он. – В Штатах – чем дальше на север, тем идеалистичнее люди в отношении негров. Мы с Энн всю жизнь прожили среди негров – и ни одной неприятности; мы их любим, они нас любят; но попробуй один из них посягнуть на сестру, я, кажется, сам принял бы участие в его линчевании. Мы много раз говорили на эту тему с Джоном. Он не понимает моей точки зрения: говорит, что негра надо судить таким же судом, как и белого; но он еще не знает, что такое Юг. Умом он все еще живет за три тысячи морских миль.

Майкл промолчал. Что-то в нем всегда замыкалось при упоминании этого имени. Фрэнсис Уилмот прибавил задумчиво:

– В каждой стране есть несколько святых, опровергающих вашу теорию. А все остальные – самые обыкновенные представители рода человеческого.

– Кстати, о роде человеческом, – сказал Майкл. – Вон идет мой тесть.

VI

Сомс начеку

Сомс задержался в городе и в тот день провел несколько часов в Зоологическом саду в попытках удержать маленьких Кардиганов, внуков Уинифрид, на почтительном расстоянии от обезьян и диких кошек. Водворив их затем в родной дом, он скучал в своем клубе и лениво перелистывал вечернюю газету, пока не наткнулся случайно на следующую заметку, помещенную в столбце «О чем говорят»:

«В доме одной молодой леди, проживающей неподалеку от Вестминстера, происходят по средам собрания, на которых готовят сюрприз к следующей парламентской сессии. Ее мужу, будущему баронету, имевшему какое-то отношение к литературе, поручено выступить в парламенте с проповедью фоггартизма – учения сэра Джемса Фоггарта,

изложенного в его книге „Опасное положение Англии“. Инициатором дела является несколько чудаковатый субъект, редактирующий один хорошо известный еженедельник. Посмотрим, что из этого выйдет, а пока вышеупомянутая предприимчивая молодая леди пользуется случаем создать свой „салон“, спекулируя на любопытстве, порождаемом политическим авантюризмом».

Сомс протер глаза, затем еще раз прочел заметку. Гнев его возрастал. «...Предприимчивая молодая леди пользуется случаем создать свой „салон“...» Кто это написал? Он сунул газету в карман – кажется, это была его первая кража – и в надвигающихся сумерках побрел по направлению к Саут-сквер, упорно размышляя об анонимной заметке. Намек казался ему абсолютно верным и глубоко коварным. Он все еще размышлял, когда к нему подошли Майкл и Фрэнсис Уилмот.

– Добрый вечер, сэр!

– А, – сказал Сомс. – Я хотел с вами поговорить. В вашем лагере есть изменник.

И без всякого злого умысла он бросил гневный взгляд на Фрэнсиса Уилмота.

– В чем дело, сэр? – спросил Майкл, когда они вошли в его кабинет.

Сомс протянул сложенную газету.

Майкл прочел заметку и скорчил гримасу.

– Тот, кто это написал, бывает на ваших вечерах, – сказал

Сомс, – это ясно. Кто он?

– Очень возможно, что это она.

– Неужели они напечатали бы такого рода заметку, написанную женщиной?

Майкл ничего не ответил. Старый Форсайт явно не поспевает за веком.

– Скажут они мне, кто написал, если я пойду в редакцию? – спросил Сомс.

– К счастью, не скажут.

– Почему «к счастью»?

– Видите ли, сэр, пресса – цветок весьма чувствительный. Он может свернуть лепестки, если вы к нему прикоснетесь. А кроме того, они всегда говорят вещи приятные и незаслуженные.

– Но ведь это... – начал было Сомс, но вовремя остановился и добавил: – Так вы хотите сказать, что мы должны это проглотить?

– Боюсь, что так, и заесть сахаром.

– У Флер завтра вечер?

– Да.

– Я приду и буду наблюдать.

Майкл мысленно представил себе своего тестя в виде субъекта в штатском, поставленного на страже у стола со свадебными подарками.

Но, несмотря на напускное равнодушие, Майкл был задет. Он знал, что его жене нравится коллекционировать знамени-

тостей, что она порхает и своими чарами старается привлечь нужных ей людей. Раньше он только снисходительно ей удивлялся, но сейчас почувствовал в этом нечто большее, чем невинная забава. Быстрота, с которой загоралась и гасла ее улыбка, словно под стриженными волосами был скрыт выключатель; живые повороты прелестной открытой шеи; искусно, или недостаточно искусно скрытая игра красивых глаз; томность и дрожание белых век; выразительные руки, которыми она легко и изящно лепила себе карьеру, – от всего этого Майклу вдруг стало больно. Правда, она это делает для него и для Кита! Говорят, француженки помогают своим мужьям делать карьеру. В ней есть французская кровь. А может быть, это стремление к идеалу, желание иметь все самое лучшее и быть лучше тех, кто ее окружает? Так размышлял Майкл. Но в среду вечером он тревожно всматривался в лица гостей, стараясь поймать иронические взгляды.

Сомс следовал иному методу. У него в сознании все решалось проще, чем у человека, который критикует днем, а ночью обнимает. Он не видел оснований, почему Флер не собирать у себя аристократов, лейбористских членов палаты, художников, послов, всяких молодых идиотов и даже писателей, если эти люди ее интересуют. Он несколько наивно рассуждал, что чем выше они стоят, тем меньше шансов впутаться из-за них в какую-нибудь неприятную историю; и, пожалуй, денег взаймы они не попросят. Его дочь не хуже, если не лучше, всех этих людей. Он был глубоко оскорблен

тем, что кто-то считает, будто она всеми силами старается привлечь их к себе. Нет, не она за ними охотится, а они за ней. Он стоял у стены, под картиной Фрагонара, которую он подарил Флер. Седой, с аккуратно подстриженными волосами и энергичным подбородком, он обводил глазами комнату, ни на ком не задерживаясь взглядом, как человек, который видел в жизни много, но интересного нашел мало. Его можно было принять за какого-нибудь посланника.

Перед ним, повернувшись к нему спиной, остановилась молодая женщина с короткими золотисто-рыжими волосами; она разговаривала с глуповатым на вид человеком, который все время потирал руки. Сомсу слышно было каждое слово.

– Не правда ли, эта маленькая Монт ужасно забавна? Посмотрите на нее, она разговаривает с доном Фернандо; можно подумать, что он для нее – все. А, вот Бэшли! Как она к нему разлетелась! Прирожденная выскочка! Но она ошибается – таким путем «салона» не создашь. Создать «салон» может человек умный, с ярко выраженной индивидуальностью; человек, презирающий общественное мнение. Она для этой роли не годится. Да и кто она, в сущности, такая?

– Деньги? – подсказал собеседник.

– Не так уж много. А Майкл так в нее влюблен, что даже поглупел. Впрочем, и парламент на него действует. Вы слышали их разговоры об этом фоггартизме? Продукты питания, дети, будущее – невероятная скука!

– Новизна, – промурлыкал глуповатый человек, – вот ма-
ния нашего века.

– Досадно, когда такое ничтожество старается выдвинуть-
ся и пускает в ход такую чепуху, как этот фоггартизм. Вы
читали книгу Фоггарта?

– Нет. А вы?

– Конечно, нет! Мне жаль Майкла. Эта маленькая выскоч-
ка его эксплуатирует.

Сомс, очутившись словно в западне, не выдержал и за-
сопел. Почувствовав, быть может, ветерок, молодая женщи-
на оглянулась и увидела такие холодные серые глаза и такое
хмурое лицо, что поспешила отойти.

– Кто этот мрачный старик? – спросила она своего собе-
седника. – Я даже испугалась.

Глуповатый джентльмен предположил, что это бедный
родственник: видимо, он здесь ни с кем не знаком. А Сомс
направился прямо к Майклу.

– Кто эта молодая женщина с рыжими волосами?

– Марджори Феррар.

– Она предательница. Выгоните ее!

Майкл опешил.

– Но мы ее очень хорошо знаем. Она – дочь лорда Чарлза
Феррара и...

– Выгоните ее! – повторил Сомс.

– Откуда вы знаете, сэр, что она предательница?

– Я только что слышал, как она повторила то, что было в

заметке, и прибавила еще кое-что похуже.

– Но она у нас в гостях...

– Недурна гостья! – сквозь зубы проворчал Сомс.

– Нельзя выгонять гостей. А кроме того, она внучка маркиза. Скандал будет грандиозный.

– Ну, так устройте скандал!

– Приглашать мы ее больше не будем, но, право же, это все, что можно сделать.

– Вот как? – сказал Сомс и, отойдя от зятя, направился к той, на которую только что донес. Майкл, взволнованный, последовал за ним. Ему еще не приходилось видеть тестя приготовившимся к прыжку. Подойдя, он услышал, как Сомс сказал негромко, но очень внятно:

– Сударыня, вы были так любезны, что назвали мою дочь выскочкой – назвали в ее же доме.

Майкл видел, как молодая женщина оглянулась и с видом обиженным и наглым широко раскрыла свои холодные голубые глаза.

Потом она засмеялась, а Сомс сказал:

– Вы предательница. Будьте добры удалиться.

Вокруг стояло человек шесть, и все они слышали! Проклятье! А он, Майкл, хозяин дома! Выступив вперед, он взял под руку Сомса и спокойно сказал:

– Довольно, сэр! Ведь мы не на мирной конференции.

Все притихли; никто не шелохнулся. Только глуповатый джентльмен потирал свои белые руки.

Марджори Феррар сделала шаг по направлению к двери.

– Я не знаю, кто этот человек, – сказала она, – но он – лжец!

– Неправда!

Бросил это слово смуглый молодой человек. Он смотрел на Марджори Феррар; их взгляды встретились.

И вдруг Майкл увидел Флер. Очень бледная, она стояла за его спиной. Конечно, слышала все! Она улыбнулась, подняла руку и сказала:

– Сейчас будет играть мадам Карелли.

Марджори Феррар направилась к двери; глуповатый джентльмен следовал за ней, все еще потирая руки, словно снимая с себя ответственность за инцидент. Сомс, как собака, для верности шел за ними; за Сомсом шагал Майкл. Донесли слова: «Как забавно!» Послышался заглушенный смех. Парадная дверь захлопнулась. Инцидент был исчерпан.

Майкл вытер пот со лба. Он восхищался своим тестем и в то же время досадовал: «Заварил старик кашу!» Он вернулся в гостиную. Флер стояла у клавикордов с таким видом, словно ничего не случилось. Но Майкл заметил, что ее пальцы вцепились в платье, и сердце у него заныло. Волнуясь, он ждал последней ноты.

Сомс поднялся наверх и там, в кабинете Майкла, перед «Белой обезьяной», проанализировал свой поступок. Он ни о чем не жалел. Рыжая кошка! «Прирожденная выскочка»!

«Деньги?» – «Не так уж много». Ха! «...Такое ничтожество...»! Так она – внучка маркиза? Ну что ж, он указал нахалке на дверь. Все, что было в нем сильного и смелого, все, что восставало против покровительства и привилегий, – дух, унаследованный от предков, – все возмутилось в нем. Кто они, эти аристократы? Какое право имеют напускать на себя важность? Нахалы! Многие из них – потомки тех, кто поднялся на высоту только благодаря грабежам и маклерству! И кто-то осмелился назвать его дочь – его дочь – выскочкой! Да он пальцем не шевельнет, шагу лишнего не ступит, хоть бы ему предстояло встретиться с самим королем! Если Флер нравится окружать себя этими людьми, то почему бы ей этого не делать? Неожиданно у него замерло сердце. А вдруг она скажет, что он погубил ее «салон»? Ну что ж! Ничего не поделаешь. Лучше было сразу покончить с этой мерзавкой и уяснить себе положение. «Я не буду ждать Флер, – подумал он. – Буря в стакане воды!»

Когда он поднимался по лестнице в свою комнату, до него донеслись звуки клавикордов. Он подумал, не просыпается ли от этой музыки его внук. Вдруг послышалось ворчание, и Сомс подскочил. Ах, эта собака лежит у двери, ведущей в комнату бэби! Жаль, что Дэнди не было внизу, уж он бы прокусил чулки этой рыжей кошке! Сомс поднялся выше и посмотрел на дверь комнаты Фрэнсиса Уилмота, находившейся как раз против его комнаты.

Очевидно, молодой американец тоже кое-что подслушал;

но с ним говорить об этом нельзя – ронять свое достоинство! И, захлопнув свою дверь, чтобы звуки клавикордов не долетали до него, Сомс крепко закрыл глаза.

VII

Звуки в ночи

Майкл никогда не видел Флер плачущей, и сейчас, когда она лежала ничком на кровати и, уткнувшись в одеяло, старалась заглушить рыдания, он почувствовал чуть ли не панический страх. Когда он коснулся ее волос, она затихла.

– Не падай духом, любимая, – сказал он ласково. – Не все ли равно, что говорят, если это неправда.

Она приподнялась и села, скрестив ноги. Волосы у нее были растрепаны, заплаканное лицо покраснелось.

– Кому какое дело – правда это или неправда! Важно то, что меня заклеямили.

– Ну что же, и мы ее заклеямили кличкой «предательница».

– Как будто этим поможешь делу! За спиной все мы говорим друг о друге. На это никто не обращает внимания. Но как я покажусь теперь в обществе, когда все хихикают и считают меня выскочкой? В отместку она оповестит весь Лондон. Разве я могу теперь устраивать вечера?

Оплакивает ли она свою карьеру или его? Майкл подошел к ней сзади и обнял ее.

– Мало ли что думают люди, моя детка. Рано или поздно это нужно понять.

– Ты сам не желаешь этого понять. Если обо мне думают плохо, я не могу быть хорошей.

– Считаться надо только с теми, кто тебя действительно знает.

– Никто никого не знает, – упрямо сказала Флер. – Чем лучше люди относятся, тем меньше они знают; и никакого значения не имеет, что они, в сущности, думают.

Майкл опустил руки. Флер молчала так долго, что он опять обошел кровать и заглянул ей в лицо, хмурившееся над подпиравшими его ладонями. Столько грации было в ее позе, что ему стало больно от любви к ней. И оттого, что ласки только раздражали ее, ему было еще больнее.

– Я ее ненавижу! – сказала она наконец. – Если я смогу ей повредить, я это сделаю.

Он тоже не прочь был отомстить Гордости Гедонистов, но ему не хотелось, чтобы Флер думала о мести. У нее это было серьезнее, чем у него, потому что он, в сущности, был способен причинять людям зло.

– Ну, дорогая моя, может быть, мы ляжем спать?

– Я сказала, что не буду устраивать вечера. Нет, буду!

– Отлично, – сказал Майкл. – Вот и молодец.

Она засмеялась. Это был странный смех, резко прозвучавший в ночи. Майкла он не успокоил.

В ту ночь все бодрствовали в доме. Сомса мучили ночные

страхи, которые за последнее время улеглись было под влиянием сигар и пребывания на свежем воздухе во время игры в гольф. И мешали эти проклятые часы, неуклонно отбивавшие время, а между тремя и четырьмя послышался шорох, словно кто-то бродил по дому.

То был Фрэнсис Уилмот. Молодой человек пребывал в странном состоянии с той самой минуты, как снял с Сомса обвинение во лжи. Сомс не ошибся: Фрэнсис Уилмот тоже слышал, как Марджори Феррар чернила хозяйку дома, но в тот самый момент, когда он выступил с протестом, на него нашло ослепление. Эти голубые глаза, смотревшие на него вызывающе, казалось, говорили: «Молодой человек, вы мне нравитесь!» И теперь этот взгляд его преследовал. Стройная нимфа с белой кожей и золотисто-рыжими волосами, дерзкие голубые глаза, веселые красные губы и белая шея, душистая, как сосновое дерево, нагретое солнцем, – забыть он ее не мог. Весь вечер он следил за ней, но было что-то жуткое в том, какое неизгладимое впечатление она произвела на него в тот последний момент. Теперь он не мог заснуть. Хоть он и не был ей представлен, но знал, что ее зовут Марджори Феррар, и это имя ему нравилось. Он вырос вдали от городов, мало знал женщин, и она казалась ему совсем особенной, необыкновенной. А он изобличил ее во лжи! Волнение его было так велико, что он выпил всю воду из графина, оделся и потихоньку стал спускаться с лестницы. Когда он проходил мимо Дэнди, собака заворочалась, словно хотела ска-

зять: «Странно, но эти ноги мне знакомы!» Он спустился в холл. Молочный свет лился в полукруглое окно над дверью. Закурив папиросу, Фрэнсис Уилмот присел на мраморный ларь-саркофаг. Это настолько его освежило, что он встал, повернул выключатель, взял телефонную книжку и машинально отыскал букву «Ф». Вот ее адрес: «Феррар, Марджори. Ривер Студиос, Рэн-стрит, 3». Погасив свет, он осторожно снял дверную цепочку и вышел на улицу. Он знал, как пройти к реке, и направился туда.

Был тот час, когда звуки, утомленные, засыпают и можно услышать, как летит мотылек. Воздух был чистый, не отравленный дымом; Лондон спал в лучах луны. Мосты, башни, вода – все серебрилось и казалось отрезанным от людей. Даже дома и деревья отдыхали, убаюканные луной, и словно повторяли вслед за Фрэнсисом Уилмотом строфу из «Старого моряка»:

О милый сон, по всей земле
И всем отраден он!
Марии вечная хвала!
Она душе моей дала
Небесный милый сон.

Он свернул наудачу вправо и пошел вдоль реки. Никогда еще не приходилось ему бродить по большому городу в этот мертвый час. Замерли страсти, затихла мысль о наживе; уснула спешка, сном забылись страхи; кое-где ворочается

человек на кровати; кто-нибудь испускает последний вздох. Внизу на воде темными призраками казались лихтеры и баржи, красные огоньки светились на них; фонари вдоль набережной горели впустую, словно вырвались на свободу. Человек притаился, исчез. Во всем городе бодрствовал он один и делал – что? От природы находчивый и сообразительный, молодой человек был неспособен поставить диагноз и, уж во всяком случае, не видел ничего смешного в том, что бесцельно бродит ночью по городу. Вдруг он почувствовал, что сможет вернуться домой и заснуть, если ему удастся взглянуть на ее окна. Проходя мимо галереи Тэйта, он увидел человека – пуговицы его блестели в лучах луны.

– Скажите, полисмен, где Рэн-стрит?

– Прямо, пятая улица направо.

Фрэнсис Уилмот снова зашагал. Луна опускалась за дома, ярче сверкали звезды, дрожь пробежала по деревьям. Он свернул в пятую улицу направо, прошел квартал, но дома не нашел. Было слишком темно, чтобы различить номера. Снова повстречался ему человек с блестящими пуговицами.

– Скажите, полисмен, где Ривер Студиос?

– Вы прошли мимо – последний дом по правой стороне.

Фрэнсис Уилмот повернул назад. Вот он – этот дом! Молодой человек остановился и посмотрел на темные окна. За одним из этих окон – она! Поднялся ветер, и Фрэнсис Уилмот повернулся и пошел домой. Осторожно, стараясь не шуметь, поднялся он по лестнице мимо Дэнди, который снова

приподнял голову и проворчал: «Еще более странно, но это те же самые ноги!» – потом вошел в свою комнату, лег и заснул сладким сном.

VIII

Вокруг да около

За завтраком все обходили молчанием инцидент, происшедший накануне, но это не удивило Сомса: естественно, что в присутствии молодого американца говорить не следует; однако Сомс заметил, что Флер бледна. Ночью, когда он не мог уснуть, в нем зародились опасения юридического порядка. Можно ли в присутствии шести человек безнаказанно назвать «предательницей» даже эту рыжую кошку? После завтрака он отправился к своей сестре Уинифрид и рассказал ей всю историю.

– Прекрасно, мой милый, – одобрила она. – Мне говорили, что эта молодая особа очень бойка. Знаешь ли, у ее отца была лошадь, которую побил французская лошадь – не помню ее клички – на этих скачках в... ах, боже мой, как называются эти скачки?

– Понятия не имею о скачках, – сказал Сомс.

Но к вечеру, когда он сидел в «Клубе знатоков», ему подали визитную карточку:

Лорд Чарлз Феррар

Хай Маршес бл. Ньюмаркема

У него задрожали было колени, но на выручку ему пришло слово «выскачка», и он сухо сказал:

– Проводите его в приемную.

Он не намерен был спешить из-за этого субъекта и спокойно допил чай, прежде чем направиться в этот малоуютный уголок клуба.

Посреди маленькой комнаты стоял высокий, худощавый джентльмен с закрученными кверху усами и моноклем, словно вросшим в орбиту правого глаза. Морщины пролегли на его худых, увядших щеках, в густых волосах пробивалась у висков седина. Сомсу нетрудно было с первого же взгляда почувствовать к нему антипатию.

– Если не ошибаюсь, мистер Форсайт?

Сомс наклонил голову.

– Вчера вечером, в присутствии нескольких человек, вы бросили моей дочери в лицо оскорбление.

– Да. Оно было вполне заслужено.

– Значит, вы не были пьяны?

– Ничуть.

Его сухие, сдержанные ответы, казалось, привели посетителя в замешательство. Он закрутил усы, нахмурился, отчето монокль глубже врезался в орбиту, и сказал:

– У меня записаны фамилии тех, кто при этом присутствовал. Будьте добры написать каждому из них в отдельности, что вы отказываетесь от этих слов.

– И не подумаю.

С минуту длилось молчание.

– Вы, кажется, стряпчий?

– Адвокат.

– Значит, вам известно, каковы могут быть последствия вашего отказа.

– Если ваша дочь пожелает подать в суд, я буду рад встретиться с ней там.

– Вы отказываетесь взять свои слова обратно?

– Категорически.

– В таком случае, до свиданья!

– До свиданья!

Сомс был бы рад поколотить посетителя, но вместо этого он отступил на шаг, чтобы дать ему пройти. Вот наглец! Ему ясно вспомнился голос старого дяди Джолиона, когда он еще в восьмидесятых годах говорил о ком-то: «Кляузный челове-чишка, стряпчий». И он почувствовал потребность отвести душу. Конечно, Старый Монт знает этого субъекта; нужно повидаться с ним и расспросить.

В клубе «Аэроплан» он застал не только сэра Лоренса Монта, казавшегося необычайно серьезным, но и Майкла, который, видимо, рассказал отцу о вчерашнем инциденте. Сомс почувствовал облегчение: ему тяжело было бы говорить об оскорблении, нанесенном его дочери. Сообщив о визите лорда Феррара, он спросил:

– Этот... Феррар... каково его положение?

– Чарли Феррар? Он кругом в долгах; у него есть несколько хороших лошадей, и он – прекрасный стрелок.

– На меня он не произвел впечатления джентльмена, – сказал Сомс.

Сэр Лоренс поднял брови, словно размышляя о том, что ответить на это замечание, высказанное о человеке с родословной человеком, таковой не имеющим.

– А его дочь отнюдь не леди, – добавил Сомс.

Сэр Лоренс покачал головой.

– Сильно сказано, Форсайт, сильно сказано! Но вы правы: есть у них какая-то примесь в крови. Шропшир – славный старик, его поколение не пострадало. Его тетка была...

– Он назвал меня стряпчим, – мрачно усмехнувшись, сказал Сомс, – а она назвала меня лжецом. Не знаю, что хуже.

Сэр Лоренс встал и посмотрел в окно на Сент-Джемс-стрит. У Сомса зародилось ощущение, что эта узкая голова, высоко посаженная над тонкой, прямой спиной, в данном случае окажется ценнее его собственной. Тут приходилось иметь дело с людьми, которые всю жизнь говорили и делали что им вздумается и нисколько не заботились о последствиях; этот баронет и сам так воспитан – ему лучше знать, что может прийти им в голову.

– Она может обратиться в суд, Форсайт. Ведь это было на людях. Какие вы можете привести доказательства?

– Я своими ушами слышал.

Сэр Лоренс посмотрел на уши Сомса, словно измеряя их

длину.

– Гм! А еще что?

– Эта заметка в газете.

– С газетой она договорится. Еще?

– Ее собеседник может подтвердить.

– Филип Куинси? – вмешался Майкл. – На него не рассчитывайте.

– Что еще?

– Видите ли, – сказал Сомс, – ведь этот молодой американец тоже кое-что слышал.

– А-а, – протянул сэр Лоренс. – Берегитесь, как бы она им тоже не завладела. И это все?

Сомс кивнул. Как подумаешь – маловато!

– Вы говорите, что она назвала вас лжецом. Вы тоже можете подать на нее в суд.

Последовало молчание; наконец Сомс сказал:

– Нет! Она – женщина.

– Правильно, Форсайт! У них еще сохранились привилегии. Теперь остается только выждать. Посмотрим, как повернутся события. «Предательница»! Должно быть, вы себе не представляете, во сколько вам может влететь это слово?

– Деньги – вздор! – сказал Сомс. – Огласка – вот что плохо!

Фантазия у него разыгралась: он уже видел себя в суде. Вот он оглашает злобные слова этой нахалки, бросает публике и репортерам слово «выскачка», сказанное о его доче-

ри. Это единственный способ защитит себя. Тяжело!

– Что говорит Флер? – неожиданно обратился он к Майклу.

– Война во что бы то ни стало.

Сомс подпрыгнул на стуле.

– Как это по-женски! Женщины лишены воображения.

– Сначала я тоже так думал, сэ, но теперь сомневаюсь.

Флер рассуждает так: если не схватить Марджори Феррар за волосы, она будет болтать направо и налево; если же предать дело огласке, она не сможет причинить вреда.

– Пожалуй, я зайду к старику Шропширу, – сказал сэ Лоренс. – Наши отцы вместе стреляли вальдшнепов в Албании в пятьдесят четвертом году.

Сомс не понимал, какое это может иметь отношение к делу, но возражать не стал. Маркиз – это как-никак почти герцог; быть может, даже в наш демократический век он пользуется влиянием.

– Ему восемьдесят лет, – продолжал сэ Лоренс, – страдает подагрой, но все еще трудолюбив, как пчела.

Сомс не мог решить, хорошо это или плохо.

– Откладывать не стоит, пойду к нему сейчас.

На улице они расстались; сэ Лоренс повернул на север, по направлению к Мейферу.

Маркиз Шропшир диктовал своему секретарю письмо в Совет графства, настаивая на одном из пунктов своей обширной программы всеобщей электрификации. Одним из

первых встал он на защиту электричества и всю жизнь был ему верен. Это был невысокий, похожий на птицу старик с розовыми щеками и аккуратно подстриженной белой бородкой. Одетый в мохнатый суконный костюм с синим вязаным галстуком, продетым в кольцо, он стоял в своей любимой позе: одну ногу поставил на стул, локтем оперся о колено и подпер подбородок рукой.

– А, молодой Монт! – сказал он. – Садитесь.

Сэр Лоренс сел и положил ногу на ногу. Ему приятно было слышать, что в шестьдесят шесть лет его называют «молодым Монтом».

– Вы мне опять принесли одну из ваших чудесных новых книг?

– Нет, маркиз, я пришел за советом.

– А! Мистер Мэрсси, продолжайте: «Таким путем, джентльмены, вы добьетесь для наших налогоплательщиков экономии по меньшей мере три тысячи ежегодно; облагодетельствуете всю округу, избавив ее от дыма четырех грязных труб, и вам будет признателен ваш покорный слуга Шропшир».

Вот и все, мистер Мэрсси; благодарю вас. Итак, дорогой мой Монт?

Проводив глазами спину секретаря и поймав на себе блестящие глаза старого лорда, глядевшие с таким выражением, точно он намерен каждый день видеть и узнавать что-нибудь новое, сэр Лоренс вынул монокль и сказал:

– Ваша внучка, сэр, и моя невестка хотят затеять свару.

– Марджори? – спросил старик, по-птичьи склонив голову набок. – Это меня не касается. Очаровательная молодая женщина; приятно на нее смотреть, но это меня не касается. Что она еще натворила?

– Назвала мою невестку выскочкой, сказала, что она гоняется за знаменитостями. А отец моей невестки назвал вашу внучку в лицо предательницей.

– Смелый человек, – сказал маркиз. – Смелый. Кто он такой?

– Его фамилия Форсайт.

– Форсайт? – повторил старый пэр. – Форсайт? Фамилия знакомая. Ах да! «Форсайт и Треффри» – крупные чаеоторговцы. Мой отец покупал у них чай. Нет теперь такого чая. Это тот самый?

– Быть может, родственник. Этот Форсайт – адвокат, сейчас практикой не занимается. Все знают его коллекцию картин. Он человек стойкий и честный.

– Вот как! А его дочь действительно гоняется за знаменитостями?

Сэр Лоренс улыбнулся.

– Ей нравится быть окруженной людьми. Очень хорошенькая. Прекрасная мать. В ней есть французская кровь.

– А! – сказал маркиз. – Француженка! Они сложены лучше, чем наши женщины. Чего вы от меня хотите?

– Поговорите с вашим сыном Чарлзом.

Маркиз снял ногу со стула и выпрямился. Голова его заходила из стороны в сторону.

– С Чарли я не говорю, – серьезно сказал он. – Мы уже шесть лет как не разговариваем.

– Простите, сэр. Не знал. Жалею, что побеспокоил вас.

– Нет, нет! Я очень рад вас видеть. Если я увижу Марджори... я подумаю, подумаю. Но, дорогой мой Монт, что поделаешь с этими молодыми женщинами? Чувства долга у них нет, постоянства нет, волос нет, фигуры тоже. Кстати, вы знаете этот проект гидростанции на Северне? – Он взял со стола брошюру. – Я уже столько лет пристаю к ним, чтобы начинали. Будь у нас электричество, даже мои угольные копи могли бы дать доход; но они там всё раскачиваются. Американцев бы нам сюда.

Видя, что у старика чувство долга заслонило все остальные помыслы, сэр Лоренс встал и протянул руку.

– До свидания, маркиз. Очень рад, что нашел вас в добром здравье.

– До свидания, дорогой Монт. Я всегда к вашим услугам. И не забудьте, пришлите мне еще что-нибудь из ваших книг.

Они пожали друг другу руку. Оглянувшись в дверях, сэр Лоренс увидел, что маркиз принял прежнюю позу: поставил ногу на стул, подбородком оперся на руку и уже погрузился в чтение брошюры. «Вот это да, как сказал бы Майкл, – подумал он. – Но что мог сделать Чарли Феррар? Почему старик шесть лет с ним не разговаривает? Может быть, Старый

Форсайт знает...»

В это время Старый Форсайт и Майкл шли домой через Сент-Джемс-парк.

– Этот молодой американец, – начал Сомс. – Как вы думаете, что побудило его вмешаться?

– Не знаю, сэр. А спрашивать не хочу.

– Правильно, – мрачно отозвался Сомс: ему самому неприятно было бы обсуждать с американцем вопросы личного достоинства.

– Слово «выскочка» что-нибудь значит в Америке?

– Не уверен; но коллекционировать таланты – это в Штатах особый вид идеализма. Они желают общаться с теми, кого считают выше себя. Это даже трогательно.

Сомс держался другого мнения, почему – он затруднился бы объяснить. До сих пор его руководящим принципом было никого не считать выше самого себя и своей дочери, а говорить о руководящих принципах не принято. К тому же этот принцип так глубоко затаился в нем, что он и сам не знал о его существовании.

– Я буду молчать, – сказал он, – если он сам не заговорит. Что еще может сделать эта особа? Она, вероятно, член какой-нибудь группы?

– Неогедонисты.

– Гедонисты?

– Да, сэр. Их цель – любой ценой получать как можно больше удовольствий. Никакого значения они не имеют. Но

Марджори Феррар у всех на виду. Она немножко рисует, имеет какое-то отношение к прессе, танцует, охотится, играет на сцене; на воскресенье всегда уезжает в гости. Это хуже всего – ведь в гостях делать нечего, вот они и болтают. Вы когда-нибудь бывали на воскресном сборище, сэр?

– Я? – сказал Сомс. – Ну что вы!

Майкл улыбнулся – действительно, величины несовместимые.

– Надо как-нибудь затащить вас в Липпингхолл.

– Ну нет, благодарю.

– Вы правы, сэр. Скука смертная. Но это кулисы политики. Флер считает, что это мне на пользу. А Марджори Феррар знает всех, кого мы знаем, знает и тех, кого мы не знаем. Положение очень неловкое.

– Я бы держал себя так, словно ничего не случилось, – сказал Сомс. – Но как быть с газетой? Следует их предостеречь, что эта женщина – предательница.

Майкл с улыбкой посмотрел на своего тестя. В холле их встретил лакей.

– К вам пришел какой-то человек, сэр. Его фамилия – Бегфилл.

– А, да! Куда вы его провели, Кокер?

– Я не знал, что мне с ним делать, сэр: он весь трясется. Я его оставил в столовой.

– Вы меня простите, сэр, – сказал Майкл.

Сомс прошел в гостиную, где застал свою дочь и Фрэнсиса

Уилмота.

– Мистер Уилмот уезжает, папа. Ты пришел как раз вовремя, чтобы попрощаться.

Если Сомс испытывал когда-нибудь чувство благожелательности к посторонним людям, то именно в такие минуты. Против молодого человека он ничего не имел, пожалуй, даже ему симпатизировал, но чем меньше около тебя людей, тем лучше. Кроме того, перед Сомсом стоял вопрос: что подслушал американец? Трудно было устоять перед компромиссом с самим собой и не задать ему этого вопроса.

– До свидания, мистер Уилмот, – сказал он. – Если вы интересуетесь картинами... – он приостановился и добавил: – вам следует заглянуть в Британский музей.

Фрэнсис Уилмот почтительно пожал протянутую руку.

– Загляну. Счастлив, что познакомился с вами, сэр.

Пока Сомс недоумевал, почему он счастлив, молодой человек повернулся к Флер.

– Из Парижа я напишу Джону и передам ему ваш привет. Вы были удивительно добры ко мне. Я буду рад, если вы с Майклом поедете в Штаты и навестите меня. А если вы привезете с собой вашу собачку, я с удовольствием разрешу ей еще раз меня укусить.

Он поцеловал руку Флер и вышел, а Сомс задумчиво уставился в затылок дочери.

– Несколько неожиданно, – сказал он, когда дверь закрылась. – Что-нибудь с ним случилось?

Она повернулась к нему и холодно спросила:

– Папа, зачем ты устроил вчера этот скандал?

Несправедливость обвинения бросалась в глаза, и Сомс молча закусил ус. Словно он мог промолчать, когда ее оскорбили в его присутствии!

– Как, по-твоему, какую пользу ты этим принес?

Сомс не пытался дать объяснение, но ее слова причинили ему боль.

– Ты сделал так, что теперь мне трудно смотреть людям в глаза. И все-таки скрываться я не буду. Если я – выскочка, не пренебрегающая никакими средствами, чтобы создать «салон», я свою роль проведу до конца. Но ты, пожалуйста, впредь не думай, что я ребенок, который не может постоять за себя.

Снова Сомс промолчал, оскорбленный до глубины души.

Флер быстро взглянула на него и сказала:

– Прости, но я ничего не могу поделать. Ты все испортил.

И она вышла из комнаты.

Сомс вяло подошел к окну и посмотрел на улицу. Увидел, как отъехало такси с чемоданами; увидел, как голуби опустились на мостовую и вновь взлетели; увидел, как в сумерках мужчина целует женщину, а полисмен, закурив трубку, уходит со своего поста. Много любопытных вещей видел Сомс. Он слышал, как пробил Большой Бэн. Ни к чему все это. Он думал о серебряной ложке. Когда родилась Флер, он сам сунул ей в рот эту ложку.

IX

Куры и кошки

Человек, которого Кокер провел в столовую, стоял не двигаясь. Постарше Майкла, шатен, с намеком на бакенбарды и с бледным лицом, на котором застыло обычное у актеров, но незнакомое Майклу заученно-оживленное выражение, он одной рукой вцепился в край стола, другой – в свою черную широкополую шляпу. В ответ на взгляд его больших, обведенных темными кругами глаз Майкл улыбнулся и сказал:

– Не волнуйтесь, мистер Бергфелд, я не антрепренер. Пожалуйста, садитесь и курите.

Посетитель молча сел и, пытаясь улыбнуться, взял предложенную папиросу. Майкл уселся на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.